

Между прошлым и будущим. Экскурс в историю здравоохранения Сапожковского района

По решению Президиума Областного Совета народных депутатов в связи с 900-летием г. Рязани в 1995 году товариществом «Земля Рязанская» ведется подготовка к изданию региональной Рязанской энциклопедии. Для раздела «Здравоохранение и медицинская наука» главным врачам центральных районных больниц было предложено дать информацию в облздравотдел об истории и сегодняшнем дне центральной районной больницы и подведомственных лечебно-профилактических учреждениях, обратив особое внимание на даты официального открытия их, первых руководителей, дать краткую характеристику лечебно-профилактических учреждений района и т.д. Эта информация должна была быть на полутора-двух страницах машинописного текста. Подготовить эту информацию поручили мне, что оказалось совсем не трудным делом благодаря оставленным заслуженным врачом РСФСР П. П. Стахановым воспоминаниям, которые незадолго до своей смерти мне передала его дочь Наталья Павловна, имеющемуся в нашем историческом музее «Сборнику постановлений Сапожковского уездного земского собрания первых трех летий (1865 – 1879 гг.), составленных Н.Н. Бахметьевым», изданных изданием А.И. Кошелева г. Москва 1881 г., воспоминаниям старейших медработников больницы – фельдшера Е. С. Сильцова, долгое время бывшего заведующим райздравотделом, бывшей старшей медсестры больницы А. М. Бычковой, бывшей старшей медсестры грязелечебницы Е. Ф. Юдашиной, медстатистика Н. М. Горшковой, операционной сестры М. В. Бычковой, и, наконец, своих собственных.

Собрался обобщенный материал довольно интересный, на две страницы он, конечно, не поместился и едва уместился на шести страницах, да и то вкратце. В еще более сокращенном виде он был напечатан в словнике (подготовительном экземпляре энциклопедии).

Воспоминания П. П. Стаханова, вообще весь собранный материал заставил меня задуматься, и появилась мысль написать историю здравоохранения Сапожковского края до сего дня более подробно, чтобы не прервать нить ее, и, может быть, она когда-нибудь пригодится, как пригодились воспоминания П. П. Стаханова мне, тем более, что теперь, по сути, нет советского здравоохранения, и страна пытается вернуться от социализма к капитализму, а медицина - перейти на страховую, о чем, быть может, напишет кто-то другой, приняв эту эстафету.

Итак, небольшой экскурс в историю. Сапожковский уезд с центром в городе Сапожке включал в себя теперешний Сапожковский район, Сараевский, Путятинский, Чучковский, часть Шиловского и Ухоловского районов. Площадь уезда к 1913 году составляла 537 тысяч 332 десятины, население – 228 тысяч человек. По уезду проходила железная дорога, реки Пара и Пожва были судоходными. Помещик А. И. Кошелев на баржах по р. Пожве, впадающей в Пару (а та в Оку), переправлял фосфатную муку, которую он получал из местных фосфатов, в Рязань для ее специальной обработки и получения ценнейших удобрений – суперфосфатов.

Говорят, что по Паре проплывал Петр Великий, а императрица Екатерина II, проезжая по этим местам, потеряла свой царский сапожок, отчего и селение было названо Сапожком. Но это, конечно, легенда, чтобы объяснить такое необычное название города «Сапожок». О Сапожке можно писать, и уже написано много, но это уже другая тема.

Что касается истории медицины, то в России издревле существовал так называемый «Приказ общественного призрения», где было сосредоточено все, что касалось здоровья населения. Во главе губернии, при губернаторе, функционировало так называемое «Губернское правление», в которое входил губернский врачебный инспектор. Он ведал медицинской частью всех уездов.

Первая в уезде больница была открыта в Сапожке в 1820 году. Во всех уездных городах имелся уездный врач. Имелся он и в Сапожке. На него возлагался надзор за состоянием здоровья населения, а так как в то время не было ветеринарной службы, то и за животными. Этот уездный врач совмещал в себе и нес ответственность за санитарную часть в уезде, вел борьбу с эпидемиями, был судмедэкспертом и в то же время должен был оказывать медицинскую помощь заболевшим по всей территории уезда, ибо был единственным врачом в нем. При нем находилась городская боль-

ница с двумя фельдшерами (подлекарями) и повивальной бабкой. В этой больнице лечились «казенные» больные-арестанты местной тюрьмы и солдаты местной «инвалидной» команды.

Помещение этой больницы в центре уезда – Сапожке было таково, «что не только больные, там находящиеся, не могут выздоравливать, но и здоровые, там помещенные в 2-3 дня непременно сделаются больными», - так докладывала комиссия в материалах о результатах обследования городской уездной больницы в Сапожке в 1866 году Уездному Земскому собранию. На этом собрании врач Л. В. Персянинов представил Земскому Собранию проект организации в уезде медицинской службы. По этому проекту, утвержденному 13 сентября 1868 года, кроме городского участка началась организация двух сельских участковых больниц с одним врачом и тремя фельдшерами в каждой. Только с начала 70-х годов XIX столетия дело народного здравоохранения уезда, перейдя из рук «Приказа общественного призрения» в руки земства, получило громадный толчок в своем развитии. Шло строительство медицинских и аптечных заведений.

Так, Земское собрание Сапожковского уезда от 16 сентября 1868 за номером 423 утверждает строительство 2-х этажной больницы на 42 места с надворными постройками сметой на 8,697 рублей 80 копеек в центре уезда г. Сапожке. Земская больница была построена в 1870 году и сдана в эксплуатацию в 1871 году. Это было практически единственное 2-х этажное кирпичное здание с обширным подвалом (угловое по ул. Садовой и Стаханова, бывшей Больничной). Кроме уездной земской больницы в селах уезда Сараях и Путятине открываются по одному приемному покою на 10 коек в каждом. В каждом приемном покое, кроме фельдшера, сторож и кухарка.

С введением земских учреждений в г.Сапожке, кроме уездного врача Михаила Карловича Миллера, появился первый земский врач. Им был Федор Дмитриевич Вишневецкий, к которому перешло и заведование Сапожковской земской больницей. Согласно проекту «Об устройстве медицинской части в уезде», в уезде должно быть три врача и девять фельдшеров. По числу врачей уезд делится на три участка. При каждом враче три фельдшера, из которых один постоянно при враче, другой в одном из наиболее удаленных пунктов участка, третий для командировок в распоряжении врача. В каждом участке по три попечителя из числа гласных земства, от которых и должно зависеть избрание и перемена врачей. На содержание и разъезды врачам полагалось 1200 рублей в год, фельдшерам оплата – 180 рублей в год и на наем квартиры по 30 рублей в месяц.

К началу 20-го столетия в ходе разворачивающегося общественного движения в земствах начали создаваться «Санитарные уездные советы» при земских управах. В совет входили все врачи уезда, председатель земской управы и гласные данного участка. Санитарные советы Сараевского, а за ним Путятинский, следом за Сапожковским, приступили к работам по коренному улучшению медицинской части. Так, в Сараях был построен ряд кирпичных корпусов больницы, квартира для врача, инфекционное отделение, амбулатория. Построено несколько кирпичных зданий и для Путятинской больницы, ранее располагавшейся в ветхом здании, нанятом земством у госпожи Стурм сроком на 10 лет с оплатой 150 рублей в год. В Сараевской и Путятинской больницах стало по одному врачу. Одновременно было намечено основание 3-х врачебных медпунктов: в с. Песочня, с. Напольное, с. Острое Пластиково.

В то же время граф Шувалов передал Сапожковскому земству выстроенную им в с. Можары прекрасную многокорпусную каменную больницу с квартирой для врача, усадьбой, артезианским колодезем, стоившим 15 тысяч рублей, и надворными постройками. Еще ранее учреждением «Санитарных уездных Советов» в Сапожковском уезде, в Сараевском медицинском участке было основано «Медицинское попечительство» участка, в которое входили все земские гласные участка и врач. На заседания приглашались из города и члены земской управы. Эта мера была крайне полезна, так как ограничивала власть земской управы и усиливала местную инициативу, предоставляя известную автономию участку, где секретарем был опять же местный врач. Эта инициатива была затем принята по всему уезду. Особая заслуга в этом деле принадлежала гласному М. П. Ремизову. Он много сделал для развития медицинского дела в уезде, всегда выступал за подачу бесплатной медицинской помощи, за всеобщее обязательное народное обучение. М. П. Ремезов намного опережал время.

В связи с русско-турецкой войной 1877-1878 гг. на базе уездной больницы открывается специальное отделение для лечения 70 пленных турок, а для организации лазаретов для раненных русских воинов земство выделило обществу Красного Креста денежную помощь.

Особое развитие Сапожковская земская больница получила, когда ее возглавил в 1896 году Павел Петрович Стаханов (1868-1953). П. П. Стаханов родился в с. Борец Сапожковского уезда в семье мелкого служащего. Мать – крепостная крестьянка. Окончив в 1887 году Рязанскую мужскую гимназию, поступил в Московский императорский университет на медицинский факультет, который закончил с отличием в 1893 году. Он ученик таких корифеев русской медицины как Сеченов, Захарьин, Склифосовский. По окончании университета, проработав два года в Рязанской губернской земской больнице акушером-гинекологом, он в 1896 году перевелся по семейным обстоятельствам в свой родной Сапожковский уезд младшим врачом Сапожковской земской больницы. Широкая эрудиция, богатый опыт, выдающийся талант диагноста характеризовали П. П. Стаханова. Авторитет его у больных был огромен. Общественная работа его выходила далеко за пределы вопросов, связанных с его профессией. Он основал в Сапожке первую в России земскую аптеку, проведя через Государственную Думу отмену аптечной монополии, тяготевшую над больным человеком со времен Петра I.

С самого начала своей работы в Сапожковском уезде он изучал местный край. Он собрал большое количество предметов по истории, геологии, палеонтологии. В 1920 году основал и заведовал Сапожковским краеведческим музеем. Все свои лучшие коллекции передал музею, и они составили основной первоначальный фонд его экспонатов. Им и его дочерью Натальей Павловной проведено изучение народностей края, собран альбом древнего русского орнамента. Они на территории уезда обнаружили хорошо сохранившийся скелет исполинского лугового широкорого оленя (единственный в стране полный скелет), который находится в настоящее время в палеонтологическом музее Академии наук в Москве, а гипсовая его копия - в Рязанском краеведческом музее. По сценарию второй его дочери Ольги Павловны Вишневской в Сапожке был снят фильм «Бабы рязанские» в 1923 году. Фильм был построен на местном этнографическом материале и получил премию на Всероссийском конкурсе сценаристов.

Вершиной врачебно-общественной и краеведческой деятельности П.П. Стаханова является открытие источника минеральных вод с огромным содержанием железа и лечебного минерального торфа, единственного в СССР, и организация грязелечения в районе. Большое внимание уделял развитию народного просвещения. Это по его инициативе в Сапожке женская 4-х классная прогимназия была преобразована в гимназию и открыта мужская гимназия. Им написаны по истории края ряд работ: «Сапожковское городище 1628-1629 годов», «Древние рудные разработки на р. Истье», «Продвижение степи на лес в Сапожковском крае» с предисловием профессора В. П. Семенова-Тянь-Шанского и др.

В 1946 году за заслуги в области здравоохранения П. П. Стаханову присвоено почетное звание заслуженного врача РСФСР. Улица Больничная в 1965 году переименована в улицу его имени, о чем гласит мемориальная доска на первом корпусе, где он начинал работать. От общественности района ему поставлен памятник-надгробие: на фоне стелы из черного гранита горельеф его, внизу чаша со змеей, дата рождения и смерти. В холле пятого корпуса семье Стахановых посвящены стенды. С фотографии молодого возраста смотрит красивый, с благородными чертами лица, умными и внимательными глазами человек, похожий на ученого. Да, по сути, он таковым и был, и был бы непременно профессором, останься он в университете в Москве, где его, кстати, оставляли. Но и здесь, в глуши, он сумел оставить глубокий след. Те медработники, которые его еще помнят, тепло отзываются о нем. Последние годы своей жизни работал он терапевтом, но уже тяжело больным, страдал паркинсонизмом, но оставался ясным умом, жизнерадостным, деятельным. Когда был чем-то восхищен, говорил: «Эх!», и прищелкивал пальцами.

Имя его внесено в Рязанскую региональную энциклопедию, выпущенную к 900-летию Рязани (1995 г.). Послано ходатайство о внесении его имени в БМЭ.

Но все, о чем здесь написано, будет через много лет. А пока... А пока он в 1896 году, как уже было сказано, перевелся в Сапожок младшим врачом уездной больницы, которой заведовал Ф. Д. Вишневский, не имевший никакой врачебной специальности. В своих воспоминаниях Павел Пет-

рович пишет: «Здесь, в Сапожковской больнице, я увидел убогое состояние лечебного дела. Врач по окончании университетского курса застревал на долгие годы, иногда на всю жизнь без какой-либо возможности обновлять свои знания».

Как уже было сказано, Сапожковская земская больница, построенная в 1870 году, имела практически единственное 2-х этажное здание с обширным подвалом, в подвале были размещены:

Аптечный склад;
Пекарня;
Две калориферные печи для обеих этажей;
Кухня;
Продуктовый склад;
Покойницкая, в ней же секционная мертвецкая.

В центре нижнего этажа – широкая лестница, ведущая на второй этаж, ожидальня, амбулатория для приема проходящих больных, где вели прием врачи, общая, в тесном кабинете, где пребывал дежурный по больнице фельдшер, а также и сторож, помогавший водворять порядок во время амбулаторного приема, когда толпа больных приступом брала дверь в кабинет, где принимали одновременно два врача за одним столом, на котором старший фельдшер записывал явившихся на прием больных. Врачи же вели прием стоя.

Ожидальня отделяла одну половину нижнего этажа от другой: в первой находился указанный кабинет для приема, две палаты арестантского отделения, мужская и женская, с железными решетками в окнах для обязательного лечения нуждающихся в стационарном лечении арестантов местной уездной тюрьмы. Тут же находилась больничная аптека без права вольного отпуска лекарств по рецептам врачей, а лишь тем больным, которых принимали врачи в амбулатории. Это было следствием того, что еще сохранились остатки старого «Приказа общественного призрения» со времен Петра Первого. И хотя с введением земских учреждений амбулатории перешли в ведение земства, аптечное дело существовало еще по монополии Петра – принадлежало частникам.

В другой половине первого этажа, за ожидальней, расположились женская палата больницы (общая), сифилитическая и акушерская. В акушерской палате проводился прием по женским болезням и прием беременных, и здесь же лежали родильницы и принимались роды. Роды принимала акушерка. Инфекционные больные принимались в этой же половине и клались в общие палаты.

На втором этаже – операционная и палаты для хирургических больных, ушных, кожных и других. Больные получали пищу и лекарства на 10 копеек в сутки, 3 рубля в месяц. Одежду и белье должны иметь свою. Неимущие медицинской помощью пользуются бесплатно.

Увидев земскую больницу, описанную выше, и порядки в ней, Стаханов через два дня пришел в земскую управу, чтобы взять обратно свои документы, но его уговорили остаться и заверили, что предстоят перемены к лучшему. Остался, но... «... каждый раз, выехав куда-либо в уезд к больному и возвращаясь обратно, завидев город Сапожок с его церквями, я испытывал щемящее тоскливое чувство, думая, что вот моя могила, в которой, может быть, придется провести всю свою жизнь, как доктору Вишневному», - пишет он в своих воспоминаниях. Да, так и провел он здесь всю свою долгую жизнь, но какую достойную жизнь! Здесь и похоронен.

В год его переезда в Сапожок П. П. Стаханову было передано заведование земской больницей и заведование городским медицинским участком, т.е. треть огромного Сапожковского уезда, являвшегося в то время одним из наиболее крупных регионов Рязанской губернии.

По мере роста семьи явилась необходимость приобрести себе дом, и он, приобретя дом, а значит оседлость, получил по закону право быть избранным в члены Городской Думы, каковым и был избран почти всеми белыми шарами. Одновременно был избран секретарем Сапожковского уездного санитарного совета. В этой должности он проработал до 1917 года, года Октябрьской революции, когда земские учреждения сменились советскими. Эта должность позволяла ему положительно решать многие вопросы, касающиеся не только здравоохранения в уезде, но и другие.

Сапожковское земство за последнюю половину 19-го столетия было прогрессивным, что зависело от наличия среди гласных земских собраний прогрессивно настроенных людей, которые на нужды земского хозяйства, а значит и медицинские, не тряслись над каждой копеечкой «земского сбора». Так, к концу существования земства, т.е. к 1917 году, смета расходов на медицинскую часть по

уезду составляла 135000 золотых рублей. Для сравнения, в соседних Рязском и Спасском – лишь 30000 золотых рублей.

Итак, став заведующим Сапожковской уездной земской больницей и найдя помещение больницы совершенно устаревшим и тесным, Стаханов решил, прежде всего, расширить площадь больницы для постройки ряда зданий. Между больницей и городским садом, расположенным по соседству с нею, имелись две пустующие усадьбы, принадлежащие городу. Город по просьбе Стаханова передал их больнице, а находившиеся за ним другие две были куплены земством для больницы. Таким образом, площадь больницы увеличилась вдвое.

Интересно привести выписки из протоколов Сапожковского Земского собрания за 1910 год.

Имеются 40 штатных кроватей и две запасных, было на излечении всего стационарных больных 1010 человек, менее прошлого года на 245 человек. Наибольший процент заболеваемости приходился на возраст 20-30 лет, период жизни, когда человек занят активным физическим трудом.

Амбулаторный прием больных в городской больнице проводился врачом, заведующим больницей и участковым врачом, больные женщины по женским болезням осматривались акушеркой. По окончании часов приема, за отсутствием врача, в случае необходимости больных принимал старший фельдшер или дежурный по больнице. Регистрация больных проводилась по журнальной системе, так как ведение карточной системы, как показал опыт 1909 года, оказался невозможным при приеме больных двумя врачами в одной общей, чрезвычайно тесной приемной.

Постановлением Земского собрания в истекшем году была отделана палата для глазных больных. К инфекционному отделению пристроено специальное помещение для платья заразных больных, благодаря чему инфекционный отд. теперь можно признать вполне оборудованным.

Почти достроено новое здание амбулатории и аптеки и предстоит переход в него в текущем 1911 году. С переходом в новое здание аптеки приглашаются два фармацевта, несомненно, деятельность аптеки должна возрасти. Летом 1910 года почти все снабжение противохолерных отрядов в уезде производилось аптекой горбольницы. Кроме того, имелся склад аптекарских товаров.

28 июня 1910 года впервые в Сапожковской городской больнице был применен способ местного обезболивания, и даже общий наркоз посредством хлороформа - В. Шамариным.

Очередным Земским собранием 1909 года была утверждена смета на постройку деревянного здания для мертвецкой городской больницы. А также Уездным собранием 1910 года утвержден проект плана и смета на перестройку здания Земской городской больницы. Собрание уездной Земской управы предоставляет две сметы на приспособление при городской больнице каменного сарая под прачечную и на устройство трех погребов и сарая для городской больницы.

В течение 1911-1912 годов в Сапожковской городской больнице имеются 40 штатных коек и 2 запасных. Уездная Земская управа покорнейше просит Земское собрание ассигновать и внести в смету расходы на 1913 год и возврат уплаченных в текущем году г. Эрихсону, остальные за устройство водяного отопления в здании городской больницы.

С открытием аптеки с вольной продажей лекарств упорядочится отпуск лекарств, для чего должно быть установлено суточное дежурство служащих, и работа несомненно увеличится. При рассмотрении проекта штата служащих управа и санитарный совет признали необходимым пригласить еще двух аптекарских учеников.

В 1910 году был построен и в 1911 году пущен в строй 2-х этажный кирпичный корпус с громадным подвалом (нынешняя поликлиника). В подвале разместились: кладовая аптеки и ее лаборатория; котельная для центрального пароводяного отопления; продуктовая кладовая больницы; центральная вентиляционная камера. Пароводяное отопление, бывшее новостью в Сапожковских учреждениях, позволяло проводить перемену воздуха в здании 7 раз в сутки. Сказать, что это здание было 2-х этажным, было бы не совсем точно, так как второй этаж был только на флангах его.

Это были два отдельных помещения, предназначенные под квартиры – одна для врача, другая для провизора. Одна половина 1-го этажа, правая, если заходить с улицы Стаханова, предназначалась под кабинеты врачей. Другая левая, под аптеку, рецептурную, заготовительную, аптекарский магазин. Кстати, это была первая вольная земская аптека, первая в тогдашней земской России, когда решением Государственной Думы аптечная монополия была отменена по инициативе того же П. П. Стаханова, о чем он подробно пишет в своих воспоминаниях.

Теперь плата за лекарство по амбулаторному рецепту взималась в размере 5 копеек за каждое, чего бы оно ни стоило, в отличие от бывшей аптечной монополии, тяготевшей над больным человеком, принужденным платить за лекарство иногда вдесятеро выше заготовительной.

Между этими половинами первого этажа, аптекой и кабинетами врачей - обширная зала для ожидающих больных с четырьмя красивыми большими круглыми окнами, два из которых выходили на улицу больничную (теперь Стаханова), два во двор. Если в то время посмотреть на это здание сверху, то оно было похоже на букву Н. У него был очень красивый, в виде портика с 4-мя фигурными колоннами, парадный вход, куда непосредственно и выходили два круглых окна. Двухэтажные фронтоновые части второго этажа этого здания спереди выступали как раз до уровня первых, наружных, колонн. Колонны располагались в два ряда: две снаружи, две внутри. В портик вели две длинные, во всю его длину, ступеньки. Со двора было два входа, ведущие в зал ожидания и квартиры на второй этаж. В аптеку был отдельный вход сбоку, со стороны первого корпуса.

Это здание подробно описываю потому, что в результате надстройки и пристройки, о чем ниже, оно стало практически неузнаваемым. С вводом в эксплуатацию этого здания было упорядочено дело приема больных. Больные теперь принимались в тепле, без тесноты, ожидать приема теперь могло любое количество больных.

После вывода амбулатории и аптеки из основного корпуса в специально построенное помещение, этот корпус стал полностью стационарным. Но так как инфекционное отделение больницы - заразный барак - состояло, собственно говоря, лишь из 2-х палат в крошечном флигеле рядом с основным корпусом и не могло вместить всех заразных больных, то больных сыпным тифом клали в общие палаты основного корпуса, о чем уже говорилось. Несмотря на существенное расширение стационара, мест не хватало, палаты и коридоры были завалены больными, многим вынуждены были отказывать в госпитализации, ибо население уезда свыше 200 тысяч человек, и свирепствовали инфекционные болезни.

Вот почему П. П. Стаханов сразу же после своего вступления в должность заведующего больницей решил построить инфекционное отделение во дворе больницы и вывести из основного корпуса родильное отделение, приспособив для этого флигель заразного барака, капитально перестроив его. Вышло очень хорошо. Получилась родильная и четыре палаты родовых и послеродовых, ванная, комната для дежурной акушерки, цейтхауз и ватерклозет.

Инфекционное отделение строилось во время первой русско-германской войны, зимою. Длинный каменный корпус по коридорной системе, с дежурной комнатой для сестры, отдельной кухней и семью палатами, ванной, двумя отдельными входами, с перегородженным коридором, с двумя ватерклозетами, с проведенной водой, как и во всех лечебных корпусах (теперь детская консультация). Когда была получена телеграмма от Главковерха армии о постройке бань и дезкамер, рядом с инфекционным отделением было построено здание, в котором разместилась баня, через стену - пароформалиновая дезинфекционная камера и прачечная с входом с противоположной стороны здания и с котельной. Последнее здание обошлось в 70 тысяч рублей. Эти деньги были переведены Главковерхом ввиду того, что оно планировалось для нужд армии.

Главный, первый, корпус также был перестроен полностью после вывода из него родильных и инфекционных коек. Таким образом: 2-й этаж был отведен под хирургическое отделение с операционным блоком и гинекологию, 1-й этаж - под терапевтическое отделение. Сюда же помещались неврологические больные, кожные, ушные, дети и другие. Отделение стало называться общим. Родильное отделение, инфекционное, прачечная и камера - эти три больших здания разделили всю расширенную усадьбу больницы на собственно больничную часть и на часть между этими зданиями и городским парком, которая предназначалась под огород, сад, пасеку и парк. Вся усадьба больницы была обсажена тополями.

Все это было ново и необычно для привыкшей к нищете Сапожковской публики. Больница стала одной из лучших в губернии. Работать в ней врачом, сестрой или санитаркой было почетно. Особенно держались за свою работу санитарочки, так как устроиться на эту работу было трудно, ибо был выбор и как-никак им платили, хотя и маленькие, деньги.

К концу существования земства, т.е. к 1917 году, здравоохранение уезда было представлено четырьмя больницами - Сапожковской, Сараевской, Можарской, Путятинской и тремя врачебными

пунктами – в с. Песочня, с. Напольное, с. Острое Пластиково. Везде имелись квартиры для врачей и везде земские вольные аптеки с провизором во главе при главных аптеках.

Земство, как память о себе, оставило прекрасные фотоальбомы, где представлены в фотографиях все больницы и врачебные пункты Сапожковского уезда: корпуса, интерьеры залов ожидания с иконами и свечами, палаты и процедурные с мединструментарием, фотографии коллективов медицинских работников, к сожалению, без имен и фамилий, безвозвратно канувших в Лету. Все как новое, все будто пахнет свежестью, все вызывает чувство благодарности и восхищения. Эти альбомы все еще живы в центральных и участковых больницах, бывших врачебных пунктах, входивших в уезд, и будут жить еще долго, ибо сделаны на бумаге высокого качества, переплеты кожаные с плотными уголками. Сапожковский альбом из больницы передан в краеведческий музей, где хранится по сей день. Добрая и долгая память...

Как уже говорилось, после 1917 года земские учреждения были заменены советскими. В 1918 году на местах были созданы отделы здравоохранения при исполкомах, в ведение которых перешли все медико-санитарные учреждения, ранее принадлежавшие различным ведомствам, учреждениям, организациям и частным лицам. Во главе отделов здравоохранения зачастую стояли фельдшера из-за недостаточности врачебных кадров. Главные врачи больниц подчинялись здравотделам, отчитывались перед ними и отвечали непосредственно только за возглавляемую больницу, ее кадры, материально-техническое оснащение. Однако врачи районных больниц обязаны были выезжать в участковые больницы, медицинские пункты, которые открывались в селах для оказания лечебной и консультативной помощи этим учреждениям, участвовать в районных конференциях, которые проводил райздравотдел совместно с эпидслужбой.

Сразу после революции земская аптека из амбулатории была переведена на первый этаж национализированного у купцов Пономаревых двухэтажного кирпичного дома, где у них был магазин. Второй этаж, где жили купцы, занял управляющий аптекой Дымов. Кстати, один из сыновей купца Пономарева написал очерк «300 лет Сапожку». Аптека и по настоящее время находится в этом старинном здании – угол улицы Садовой и Советской, правда, к нему теперь сделана большая пристройка в два этажа. За счет вывода аптеки из амбулатории было увеличено число врачебных кабинетов. Больница пополнилась врачами узких специальностей – кожен, невропатолог, педиатр, инфекционист и др. Открываются детские дошкольные учреждения – сады и ясли, детская консультация – большой деревянный угловой дом по ул. Садовой и ул. Ленина.

Уезды просуществовали до 1924 года. В 1924 году их укрупнили, и Сапожковский уезд был присоединен к Рязанскому. В 1929 году произошло новое районирование, Рязанская область была присоединена к Московской, и Сапожковский район с центром в г. Сапожке вошел в Рязанский округ Московской области. Район стал небольшим, ибо из бывшего Сапожковского уезда был образован целый ряд районов: Можарский, Чучковский, Путятинский, Сараевский, часть территорий отошла к Ухоловскому и Кораблинскому районам.

П.П. Стаханов был против отъединения от Сапожковского района Можарской и Песочинской зон, доказывая во всех инстанциях их географические и естественные связи. Но, увы... С 20-х годов начинается новая эра в здравоохранении уезда, а в последующем и района, и связана она с открытием на территории района в эти годы П.П. Стахановым источника минеральной железистой воды и запасов лечебного торфа. И вот как это было.

В семи километрах от Сапожка протекает ручей Михейчик. Жители близлежащих сел много лет назад обратили внимание на то, что копытные животные, дикие и домашние, с больными суставами ног в летнее время подолгу стоят в грязи этого ручья, получая, таким образом, облегчение. По примеру животных с незапамятных времен люди окрестных сел грязеисточника по ручью Михейчик стали применять грязелечение в домашних условиях. Кроме того, местное население издавна пользовалось зеленым или белым порошком, собираемым на торфянистых берегах Михейчика, для различных хозяйственных целей. Так, например, насыпали этот порошок под скирды, чтобы «мышь его не ела», посыпали им язвы у лошадей, чтобы «не заводился червь». Замечали, что в воде Михейчика не водятся лягушки. Люди и скот не пили эту воду вследствие ее резкого вяжущего вкуса. Все эти факты, которым другие не придавали никакого значения, обратили на себя внимание Павла Петрович Стаханова.

Вопрос об изучении Михейчика был впервые поставлен им еще в 1920 году на собрании Сапожковского общества краеведения, как одну из главных задач этого общества. Даже при грубом изучении означенного порошка, последний оказался железным купоросом. Заинтересованный этим фактом Стаханов через знакомого Горной академии Васильева (впоследствии доктора геологических наук) установил связь с Московскими геологическими лабораториями. Первые анализы воды Михейчика относятся к 1926-1927 годам. Анализы эти сделаны примитивно, но уже эти анализы показали минеральный характер воды. Тогда П. П. Стаханов устанавливает связь с Московским геологоразведочным управлением. Вызвать экспедицию на место в те времена было очень трудно. Кадры специалистов геологоразведки были недостаточными в сравнении с теми огромными задачами, которые были поставлены перед геологами после Октябрьской революции: это было время хозрасчета и режима экономии (восстановительный период).

Однако П. П. Стаханов продолжал настойчиво добиваться поставленной цели. Согласие геологоразведки было им, наконец, получено. Средства на вызов экспедиции и оплату анализов в сумме 215 рублей были собраны им с местных профсоюзных, хозяйственных и кооперативных организаций, с каждого понемногу. Осенью 1930 года в Сапожок прибыла экспедиция геологоразведки в составе гидрогеолога В. В. Штильмарка и его ассистента В. А. Гричука. В заключении этой экспедиции говорилось: «Анализ воды реки Михейчик указывает, что вода имеет практический интерес для ее возможного бальнеологического использования, так как в ней содержится 21,5 мг/л железа, тогда как при 10 мг/л вода признается минеральной. Однако, проделанный (в Москве) анализ не решает вопроса о ценности данной воды. Указанный водоем должен быть изучен на месте».

Таким образом, экспедиция Штильмарка высказалась за необходимость повторного обследования Михейчика для производства анализов на месте, изучения геологии речного района, климата местности и окончательного решения вопроса о важности использования воды в лечебных целях.

После повторных хлопот П. П. Стаханова, личного выезда в Москву, в Сапожок в мае 1932 года прибыла новая экспедиция в составе начальника экспедиции бальнеолога Соколова, инженера-гидролога, химика и метеоролога. В октябре того же года был получен отчет этой экспедиции, в котором отмечались следующие достоинства открытого Стахановым Михейчика:

1. Источник района Михейчика обладает громадным дебетом в 150 – 200 тысяч ведер воды в сутки.
2. По содержанию железа (до 83,4 мг/л) вода источника не имеет себе равной в Союзе.
3. Торфяная грязь обладает прекрасными физическими свойствами и может смело сравняться с иловыми гязями Сергиевских минеральных вод, Старой Руссы и др. курортов.

В полученном из института курортологии анализе торфа с Михейчика указывалось, как в отношении воды, что торф этот не имеет аналогов и подобен знаменитому Францесбадскому. В заключении отчета экспедиции доктора Соколова говорилось: «Район села Михеи, обладающий весьма ценной с бальнеотерапевтической точки зрения минеральной водой и не менее ценной торфяной грязью, должен послужить в ближайшее время для развития курорта в этом месте». Экспедиция Соколова признала необходимой постановку наблюдений под влиянием воды и грязи Михейчика при лечении целого ряда заболеваний: кожных, обмена веществ, анемии, суставных, гинекологических, и т.д. Профессора Г. Данишевский, В. Александров и доцент А. Лейбензон писали в «Известиях»: «Наиболее известные мировые железистые источники в Германии, показанные при малокровии и упадке сил, содержат 0,07 грамма железа на литр воды. Один из многочисленных источников под Москвой – Сапожковский имеет 0,083 грамма на литр воды».

Последующие исследования физико-химических свойств Сапожковского торфа, проведенные А.Д. Волковой, С. И. Брикнером, Е. М. Стройновым, И. Е. Башлавиным, В. А. Корчагиным (1935 г.), Н. В. Кудряшовой (1937 г.), В. С. Сомовым (1956 г.) подтвердили, что Сапожковский торф является уникальным, сильноокислым (РН достигает 1,2), железистым, высокозольным, с большой степенью разложения, высокоминерализованным, причем более 30% сухого вещества составляют водорастворимые соли, и по своим свойствам подобен торфу широко известного мирового курорта Францисковы Вары (Францесбад ЧССР), а по некоторым показателям превосходит его.

Экспериментальные исследования Н. П. Крючковой, С. Е. Молоковой, А. И. Зельниковой, В. С. Солдатовой, С. В. Шолохова, В. С. Невстугеиной, А. П. Дойниной показали, что Сапожковский торф

обладает антибактериальными свойствами, производит значительные сдвиги в коже организма, оказывает выраженное тепловое и химическое действие. Аппликации из него способствуют более быстрой генерации нервных волокон (З. С. Ермолова). Все эти исследования будут проведены позже. А уже в декабре 1932 года П. П. Стаханов ставит вопрос об опытном грязелечении перед врачами Сапожковской больницы. Было постановлено выделить 5-10 коек для этой цели. Но фактически работа началась в 1936 году. Были выделены всего две опытные койки в общем отделении. Не было даже примитивных приспособлений. Подогревали торф в ведрах и кастрюлях по типу водяной бани. Не было специально обученного персонала.

Тем не менее, результаты превзошли все ожидания. Первый опыт грязелечения был проделан на докторе Налетове, заведующем больницей и Милованове, завхозе больницы. Оба страдали хронической экземой кистей рук. Налетов, хирург по специальности, был от своей болезни в отчаянии и собирался уже переквалифицироваться в терапевта. Результат опыта был прекрасным: экзема исчезла у обоих. Число больных, вылеченных грязью, росло, слава о нашей грязи потихоньку стала выходить за пределы района, а затем и области.

В 1937 году снова образовалась Рязанская область, куда вошел и наш район. Итак, к 1937 году, когда произошло это новое административное деление, в Сапожковском районе были: районная больница на 50 коек; два здравпункта (СПТУ и Механический завод 1-го мая); девять медпунктов. В этом же году была построена и пущена в эксплуатацию Канинская участковая больница.

В 1939 году встал вплотную вопрос об открытии в больнице грязевого отделения, который был решен положительно. Для него была выделена часть здания прачечной, и уже в конце 40-го года больница получила от облздравотдела 10 тысяч рублей для ремонта и реконструкции под грязевое отделение этого помещения. Предполагалось на 1941 год отпустить еще 15 тысяч рублей для приобретения твердого и мягкого инвентаря, посуды, физиоаппаратуры и прочего.

Но разразившаяся в 1941 году война приостановила продвижение вопроса грязелечения. Однако, та же война поставила новую актуальную задачу – лечение грязью Михейчика бойцов с послераневыми заболеваниями, и в конце 1943 года открыто грязевое отделение на 12 коек. Это было мизерное отделение в той части прачечной, о которой уже говорилось, с двумя палатами – мужской и женской, собственно грязевой с единственной умещавшейся в ней кушеткой, на которой больным эту грязь накладывали. Грязь нагревали так же в кастрюлях или ведрах по типу водяной бани, для чего была сделана небольшая печь с вмазанным в нее котлом для подогрева воды. В этот котел и ставили посуду с грязью для ее разогрева.

Первыми, кто работал в грязевом отделении сестрами и санитарками одновременно были: М. В. Бычкова, Е. В. Добычина, А. Н. Липатова под руководством, конечно же, П. П. Стаханова, который не только лечил больных, но и изучал действие грязи при различных заболеваниях. Вот что писал об этом сам П. П. Стаханов в районной газете «Заветы Ильича» от 19 декабря 1943 года в заметке «Михейчик – русский Францесбад»: «В пределах Сапожковского района на окраине села Михеи в процессе комплексного изучения края Сапожковским музеем краеведения еще 10 лет назад была выявлена целая минеральная река Михейчик с дебетом 120 тысяч ведер воды в сутки, содержащей 83 миллиграмма железа на один литр воды. Должно заметить, что наличие минеральных примесей в воде даже в количестве 10 миллиграммов на литр переводит воду в разряд минеральных вод. Михейчик, как по дебету, так и по степени минерализации воды, является единственным в союзе и в полной мере равноценным, если не более того, знаменитому курорту Францесбадену в Чехословакии.

Наличие по долине реки Михейчика огромных запасов минеральноводного францесбадского типа торфа, превратившегося со времени его отложения в эпоху, непосредственную за отходом ледников (20 тысяч лет назад), под влиянием минерализации в прекрасную лечебную грязь, создает всю совокупность условий для основания курорта предельной мощности. Грязелечение является могущественным фактором воздействия на ряд болезней, как-то: травмы, ранения, костные заболевания, суставные, воспалительные заболевания женской половой сферы, ревматизм, кожные, нервной системы, сифилиса, гонореи и прочих. Применявшееся до сих пор в течение ряда лет лечение больных этой грязью оказывало благотворное влияние на больных, иногда годами болевших, с полным восстановлением работоспособности. Особенно благотворное влияние оказывает

грязелечение на инвалидов войны, воздействуя на физическую сторону и на психику. Намечен облздравотделом отпуск средств на открытие в Сапожке грязелечебницы в 1944 году на 50 коек». В годы войны условия работы медперсонала были очень тяжелыми. Катастрофически не хватало среднего медперсонала, в связи с чем дважды по линии Красного Креста на базе районной больницы открывались ускоренные курсы по подготовке медсестер: первые в 1942 году шестимесячные курсы санинструкторов: учились с утра до вечера и прошли их за 1,5 месяца вместо положенных шести. Все слушатели -- 20 человек ушли на фронт. В настоящее время из них осталась жива лишь медсестра А. Ф. Дорошина. Вторые курсы 9-ти месячные по подготовке медсестер были открыты в 1943 году. Часть из окончивших эти курсы ушла также на фронт по линии РВК, но большая часть была оставлена в больнице, так как в больницу стали поступать в большом количестве раненые и с последствиями ранений. Не хватало медикаментов, перевязочного материала, инструментария. Бинты использовались многократно после соответствующей обработки и стирки. Не хватало дезсредств, вместо мыла использовали щелок. 50-ти коек, конечно, не хватало для всех нуждающихся в стационарном лечении, скученность больных невероятная, забито все, где можно поставить кушетку, лавку, стулья. Не хватает белья. Больница не пополняется мягким и твердым инвентарем, нечем бороться со вшами. Все для фронта! Все для Победы!

Грязелечебница на 50 коек, о чем писал Стаханов в 1944 году, открыта не была, а была открыта в 1945 на 25 коек. История открытия грязелечебницы следующая.

В 1945 году от районной больницы была отделена как самостоятельное учреждение грязелечебница, которая со временем, в 1947 году, приобрела статус областной. Это было сделано, как уже говорилось, для долечивания раненых бойцов, вернувшихся с фронта. Вернее, юридически разъединение приказом облздравотдела произошло в сентябре 1944 года, но главным врачом того и другого лечебного учреждения, т.е. районной больницы и грязелечебницы, оставалась главный врач райбольницы А. П. Нестерова, а с 1 января 1945 года грязелечебница отделилась фактически, и А. П. Нестерова перешла туда главным врачом, предварительно передав все лучшее, что имелось в больнице - мебель, твердый и мягкий инвентарь, инструментарий и т.д., чем уже тогда вызвала недовольство нового главного врача районной больницы, да и оставшегося медперсонала, ибо и медперсонал себе она подобрала из больницы соответствующий. Под грязелечебницу был отдан основной стационарный корпус больницы, корпус № 1, с надворными постройками, продуктовым складом и овощехранилищем - ветхое деревянное помещение между амбулаторией и прачечной, где сейчас грязевое отделение, - столяркой, конюшней в глубине двора, т.е. там, где когда-то была больничная пасека.

Как уже говорилось, грязелечебница планировалась на 50 мест, но их в этом единственном корпусе разместить не удалось, ибо грязевое отделение больницы, бывшее прачечной, просуществовав чуть более года, было выведено в грязевой теперь корпус, под которое было переоборудовано все левое крыло 1 этажа его. Поэтому вместо 50 коек отделение было открыто всего на 25 коек, да и то едва в нем уместившихся. Место же грязевой в прачечной заняла канцелярия открывшейся грязелечебницы. Взамен корпуса, отданного грязелечебнице, больнице было передано двухэтажное кирпичное здание по улице Революции - бывшее здание райисполкома, расположенное на расстоянии километра от основной территории. По площади оно было примерно одинаковым с 1 корпусом, но не имело никаких удобств: отопление печное, нет канализации, нет воды, нет туалетов, кроме одного мизерного внизу. На втором этаже этого здания разместилось хирургическое отделение с операционным блоком, гинекологические койки, ЛОР и другие, на первом -- терапевтические с неврологическими и детскими койками, т.е. все, как было в 1 корпусе. Корпус этот стали называть хирургическим.

Таким образом, основная территория больницы разделилась на две - больницу и грязелечебницу, но оставалась общей для этих двух медицинских учреждений. Многие службы также оставались общими - лаборатория, рентгенкабинет, физиокабинет и, наконец, прачечная.

Теперь как бы основной территорией больницы стала территория хирургического корпуса. Это мизерный двор с хозяйственными службами: кухня и продуктовый склад, котельная в большом подвале этого здания. Были построены овощехранилище, конюшня, столярка, дощатый гараж, сторожка. Все крошечное. На первом этаже со стороны ворот в палате разместилась бухгалтерия и

кабинет главного врача, отделенные от терапевтического отделения тесовой полустеклянной перегородкой. В больнице стало две старших сестры - одна на новой территории, другая на старой. Почему под грязелечебницу был отдан основной лечебный корпус больницы - неясно. Казалось бы, легче было под нее отдать бывший райисполком. Не ясно это не только теперь, но и тогда. Здесь, говорят, сыграла роль главный врач А. П. Нестерова, женщина умная и авторитетная. Наверное, у нее были какие-то свои планы.

А теперь и без того тяжелое положение больницы еще более ухудшилось, создались большие неудобства в медицинском обслуживании больных. Еду стали возить больным на расстояние километра на лошадях, пища остывала и теряла свои вкусовые качества, на лошадях возили белье в прачечную и назад, покойников везли в морг через весь город на вскрытие. Но главная трудность и опасность была в оказании экстренной хирургической помощи роженицам, которых надо было возить за километр, потратив не один час на розыск транспорта, особенно ночью, и всегда была опасность опоздать. Многие подсобные службы, как уже говорилось, ютились по подвалам, не выдерживая никакой критики, уж не говоря о минимальных санитарных требованиях. Это касалось особенно пищеблоков как больницы, так и грязелечебницы, расположенных в подвалах и заливаемых вешними и дождевыми водами. Прачечная, урезанная сначала за счет грязевого отделения, а теперь канцелярии грязелечебницы, была вынуждена расширяться за счет дезкамеры, пристроенной к ней, о чем уже говорилось, занять сначала часть ее площади, а затем всю, т.к. теперь она обслуживала два учреждения - больницу и грязелечебницу. В прачечную эту, общую для больницы и грязелечебницы, заходить было невозможно. Там дело доходило до рукоприкладства - ругались прачки больницы и санатория, как стали называть грязелечебницу. Хозяина два, значит нет порядка, спросить не с кого. Прачки санатория тыкали носом больничных, что они не стирают белье. Да это и не мудрено, ибо в грязелечебнице больные санаторного типа, а в больнице - настоящие тяжелые больные, белье поступает в крови, гное, испражнениях.

Летняя сушилка на втором этаже прачечной разделена так же, но веревок для больничного белья не хватало, а у тех пустовали. И когда больничные вешали на их, то те срывали это белье и бросали на грязный земляной пол. Тогда разделили дни работы прачек, они стали работать через день, чтобы меньше контактировать друг с другом.

Вообще условия работы среднего и в особенности младшего персонала больницы были для того времени обычными, но очень тяжелыми, особенно если смотреть с высоты нынешнего времени. Печное отопление в хирургическом корпусе, инфекционном, родильном отделениях. В печах же кипятили шприцы и другой инструментарий, в том числе хирургический, или на керогазах, керосинках, примусах. В хирургическом отделении материал автоклавировали на 4-хглавом примусе. Воду в отделения возили в бочках на лошади. Туалетов нигде не было, а были «параши» - бачки для кипячения белья или ведра. Воду в прачечную возили так же на лошади из речки в бочке, выливали через окно черпаком или шлангом в специально сделанную в прачечной в виде огромного корыта емкость, откуда прачки брали ее ведрами для стирки и полоскания белья. В центре прачечной стояли два огромных котла, закрываемые деревянными кружками, вмазанные в специальные печи, которые топились дровами, для подогрева воды в них. В эти котлы воду наливали ведрами на ночь, чтобы рано утром истопник нагрел воду к началу рабочего дня прачек. На ночь белье замачивали и подмыливали в трех деревянных больших корытах, в них же стирали белье. На этих печах в прачечной отогревали и замерзшие трупы перед вскрытием.

Персонал сам заготавливал дрова и торф для больницы, работал на своем земельном участке, на котором сеяли просо, овес, сами убирали урожай. Никто никакой платы за переработку не просил, работали за одну нищенскую ставку. И как работали! Санитарочки мыли деревянные полы с помощью кирпича и голика так, что они были желтыми, блестели чистотой. Блестел и инструментарий. Больным при поступлении проводили настоящую санобработку. Субординация безупречная. Помогали подшефному колхозу, жили там неделями по сменам, спали на соломе, полуголодные.

Два главных врача с 1945 года, т.е. с момента разъединения, жили как два медведя в одной берлоге, вовлекая в «свой лагерь» персонал, перетягивая его с одной стороны на другую. Коллектив тот и другой как врачевный, так и среднего медперсонала, погряз в склоках, анонимках, зависти, тем более, что работа персонала грязелечебницы не шла ни в какое сравнение с больничным.

Главный врач грязелечебницы А. П. Нестерова в 1948 году уехала в Москву, в Московский институт детского питания. Ее место заняла О. М. Курочкина, работавшая в райбольнице. С главным врачом Ю. И. Вороновым она разговаривала только «математическим» языком, он ей не уступал, несмотря на то, что она женщина.

В 1948 году районная больница была расширена до 75 коек. В этом же году была открыта участковая больница на 10 коек в с. Михеи, которая в 1953 году была переведена в с. Н-Красное. Было открыто 18 медпунктов.

С 1924 года по 1963 год, т.е. после П. П. Стаханова сменилось 11 главных врачей больницы: Налетов, В. А. Жмур, М. С. Шуленин, А. И. Дворцова, А. П. Нестерова, Е. И. Соловьева, А. В. Анаприленко, Д. В. Бозин, О. М. Курочкина, Ю. И. Воронов, А. И. Иванова. То есть в среднем главные врачи менялись через каждые три года, чем, по-видимому, объясняется, что материально-техническая база больницы практически не развивалась, а та, что была, приходила в упадок, ветшала.

Только главные врачи Д. В. Бозин и Ю. И. Воронов внесли вклад в улучшение ее материальной базы. Так, Д. В. Бозин в 1946 году начал пристройку к родильному отделению по ул. Садовой (ныне инфекционное отделение). Этот долгострой был закончен только в 1961 году, т.е. через 15 лет при главном враче А. И. Ивановой.

Главный врач Ю. И. Воронов, возглавлявший больницу с 1948 по 1956 годы, заменил печное отопление во всех стационарных отделениях - хирургическом корпусе, инфекционном отделении, родильном, а также заменил пароводяное, калориферное, в амбулатории - водяным. К этому времени своды калориферной печи обвалились, и она уже практически не работала. Одновременно водяным было заменено по той же причине калориферное отопление в грязевом корпусе.

У каждого корпуса в подвалах теперь была своя котельная - в 1 корпусе, т.е. грязелечебнице, амбулатории, хирургическом. Для родильного и инфекционного отделений котельная была общей - в подвале инфекционного отделения. Это значительно улучшило санитарное состояние отделений и облегчило труд персонала. Но печи кое-где на всякий случай были оставлены.

В 1956 году в результате упразднения ряда районов в Сапожковский район отошло с. Красное с Красненской участковой больницей на 25 коек, с. Собчаково, Красный Угол, Морозовы - Борки - из Можарского района; с. Мелекшино и Лукмос - из Шелуховского района. Таким образом район пополнился участковой больницей и 5-ю медпунктами.

В 1958 году районные отделы здравоохранения были упразднены, а функции заведующего отделом при райисполкомах были возложены на главных врачей районных больниц. Главные врачи районов подчинялись теперь РИКа. Главный врач района должен был быть обязательно членом КПСС и избранным народным депутатом районного Совета. Будучи заведующим отделом здравоохранения при РИКе, он имел некоторую обособленность и самостоятельность в отличие, например, от отдела культуры, РОСО, финотдела. При РИКе была комиссия по здравоохранению из числа депутатов и возглавлял эту комиссию, как правило, медработник, также депутат. При райисполкоме, кроме того, были три межведомственные комиссии:

1. По борьбе с туберкулезом.
2. По борьбе с венерическими заболеваниями.
3. По борьбе с алкоголизмом.

Но в случаях чрезвычайных обстоятельств, например, при эпидемиях, создавались и соответствующие комиссии. Комиссии эти, кроме чрезвычайных, работали формально, хотя председатели их иногда отчитывались. Председатель же комиссии по здравоохранению, как и главный врач района, отчитывался перед депутатами и избирателями регулярно.

Первичным звеном здравоохранения были и есть медицинские (МП) или фельдшерско-акушерские пункты (ФАП) в зависимости от численности населения села. На медпункте был один медработник, на ФАП еще и акушерка. По числу больниц в районе имеются сельские участки, в самом Сапожке - городские. Каждый МП и ФАП был приписан к одной из ближайших больниц. Так в 1956 году было 4 участка, «куста» как их называли, по количеству больниц:

1. Сапожковский.
2. Красненский.

3. Н-Красненский.

4. Канинский.

Сам поселок Сапожок был разделен на два городских терапевтических участка. За каждым сельским и городским участком закреплен врач-терапевт, который так и назывался - участковый врач. Врачи участковых больниц отвечали за свои участки. Имеется также детский городской и сельский участки. Больной, чтобы попасть на прием в районную больницу, должен был обратиться в свою участковую больницу и, если участковый врач не разобрался, давал направление в районную больницу. Без этого направления больного не записывали и не принимали. Но этот порядок постепенно отмер, и больные из всех сел стали приезжать в районную больницу самотеком.

Ежемесячно главный врач района проводил совместно с СЭС районные совещания. Главные врачи участковых больниц проводили свои кустовые совещания с фельдшерами своего участка. Теперь проводятся совещания только в районной больнице, на которые приглашаются участковые врачи и фельдшера со всех медпунктов. Санэпидстанция до 1990 года подчинялась главному врачу районной больницы, а главный врач СЭС был как бы заместителем его по санэпидвопросам. С 1990 года СЭС стали самостоятельными учреждениями.

До 80-х годов детские дошкольные учреждения также были в ведении здравоохранения, после 80-х годов перешли в ведение отделов просвещения.

В 1955-57 годах на базе ЦРБ по линии РОКК были открыты курсы по подготовке медсестер. Набор составил 40 человек. Эти курсы позволили полностью укомплектовать районную больницу сестрами. Большинство медсестер старшего поколения окончили именно эти 2-х годичные курсы.

В 1961 году с вводом в строй пристройки к родильному отделению, о которой уже говорилось, в это здание было переведено терапевтическое отделение с детскими и неврологическими койками, т.е. отделение, располагавшееся на 1 этаже хирургического корпуса по улице Революции, а туда на первый этаж перевели родильное отделение, чтобы оно было рядом с хирургическим в случае оказания экстренной хирургической помощи роженицам. В этом же году больница была расширена до 100 коек

С января 1963 года здравоохранение района возглавил Василий Афанасьевич Никитков и возглавляет его более 30 лет. Строки его биографии. Родился 16 февраля 1935 года в д. Глинище Сараевского района. Отец его, Никитков Афанасий Григорьевич, был фельдшером, мать - колхозницей. После окончания Можарской средней школы в 1954 году поступил в Рязанский медицинский институт имени академика Павлова, который закончил в 1960 году. Проработав два года в Пугачинской районной больнице хирургом и заместителем главного врача, он в 1962 году приказом облздравотдела был переведен в Сапожковскую районную больницу также заместителем главного врача и хирургом. А с января 1963 года назначен главным врачом Сапожковской больницы. Главное внимание в своей деятельности уделяет развитию материально-технической базы лечебно-профилактических учреждений района, а также развитию грязелечения. В этом плане его деятельность во многом перекликается с таковой П. П. Стаханова.

Постоянно повышает свою квалификацию на базах центральных институтов усовершенствования врачей в г. Казани, Москве, Ленинграде, Пятигорске, а также в Рязани - по циклам хирургии, курортологии и физиотерапии, по вопросам социальной гигиены и организации здравоохранения, по трудовому законодательству и др. Реорганизовал сеть участковых больниц одним из первых в стране. Уже в 1966 году ему была объявлена благодарность министром здравоохранения РСФСР Трофимовым. В 1970 году награжден юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со Дня рождения В.И. Ленина». В 1972 году отделом здравоохранения Рязанского облисполкома ему присвоена квалификация врача организатора здравоохранения первой категории. В 1972 году за приближение специализированной медицинской помощи сельскому населению Главным Выставочным Комитетом ВДНХ СССР награжден бронзовой медалью. В 1982 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР ему было присвоено почетное звание «Заслуженный врач РСФСР». В 1984 году приказом отдела здравоохранения Рязанского облисполкома ему присвоена высшая категория врача-социгигиениста. В 1984 году Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом «Трудового Красного Знамени».

Имя его также вошло в Рязанскую региональную энциклопедию, выпущенную к 900-летию Рязани, в раздел «персоналии», как и имя П. П. Стаханова, в ряд выдающихся медиков Рязани и области. И это, наверное, символично: П. П. Стаханов и В. А. Никитков рядом. Тот и другой более 30 лет, т.е. всю творческую жизнь посвятили развитию здравоохранения в районе, один открыл лечебный торф и внедрил его в лечение больных, другой достойно продолжил его дело. Так распорядилось провидение, соединив их судьбы, судьбы двух талантливых людей, достойных друг друга. Но все это будет потом... А теперь все по порядку.

Итак, в 1960 году мы, это он и я, закончили Рязанский медицинский институт имени академика Павлова. Поженились в январе этого года перед распределением. Так делало большинство студентов, чтобы потом не перераспределяться. Он хотел бы распределиться в Сапожок, районный центр, отчасти потому, что Сапожок близко от его родины, деревни с необычным названием Глинище, Сараевского района, где жили в это время его престарелые родители, отчасти потому, что он часто бывал с отцом в этом городе, хорошо знал его. Но в Сапожок нас не распределили из-за отсутствия мест, а распределили в районный центр Путьтино, в соседний с Сапожковским район. Сразу же от РВК Василия Афанасьевича послали на специализацию по хирургии в г. Скопин на 4 месяца, а меня, тоже по линии РВК, спустя две недели, в Рязань по рентгенологии на 5 месяцев, ибо в районе 4 года не было хирурга и рентгенолога. Через два года, в августе 1962 года, приказом облздравотдела нас перевели в Сапожок. Его на должность заместителя главного врача и хирурга с прицелом на главного, так как главный врач А. И. Иванова, выйдя замуж, собиралась уезжать по месту жительства мужа в Москву. Переезжал в Сасово и хирург И. С. Панин. А я заняла место инфекциониста и фтизиатра, т.е. то, что совмещала Иванова, так как, к моему сожалению, должности рентгенолога как в больнице, так и в грязелечебнице были заняты. Поселили нас временно во фланговом помещении 2-го этажа амбулатории, выселив лабораторию и женский кабинет, т.е. в помещение, ранее предназначавшееся под квартиру провизора. В перспективе через 1-1,5 месяца мы должны были занять квартиру уезжавшего хирурга Панина по улице Революции.

К нашему приезду больница была расширена до 100 коек и насчитывала 5 лечебных корпусов.

1. Терапевтический с неврологическими и детскими койками.
2. Хирургический с родильным отделением, бухгалтерией и кабинетом главного врача.
3. Инфекционный с туб.койками.
4. Амбулатория.
5. Детская консультация.

Кроме того, корпус СЭС, лаборатория СЭС, подчинявшиеся больнице и расположенные по ул. Советской напротив друг друга в одноэтажных небольших зданиях: одно - СЭС рядом с почтой, другое -- лаборатория рядом с музыкальной школой. Теперь этих зданий нет. И все эти корпуса разбросаны по городу на 5-ти отдаленных друг от друга территориях. Территория, общая с грязелечебницей и считавшаяся все же основной, небольшая, ни тому, ни другому учреждению расширяться некуда: с двух сторон улицы - Больничная и Садовая, с севера - частные дома, с запада - городской парк. И эта территория завалена углем, дровами, шлаком. Канализация состояла из множества выгребных ям, зловонных и переполненных нечистотами, расположенных между лечебными корпусами терапевтическим, инфекционным, прачечной и горпарком, т.е. там, где когда-то был больничный огород. У грязевого корпуса по улице Садовой, т.е. по фасаду, тоже были выгребные ямы, сюда же выбрасывали отработанную грязь, а чтобы всего этого не было видно, этот корпус загородили по улице Садовой сплошным высоким дощатым забором. Ассенизатор Гаврил Маркович не успевал вычерпывать эти ямы, и вся нечисть вытекала из этих ям и текла через городской парк, распространяя зловоние, непрерывным бурным потоком в некогда чистую и глубокую реку Гудиловку, запечатленную в кинофильме «Бабы рязанские». Выгребные ямы были и у хирургического корпуса. Осенью и весной на территории была непролазная грязь. Отделения больницы, давно не отремонтированные, производили мрачное впечатление. Стены обшарпанные, на окнах грязные оборванные пленки, мебель в основном самодельная, допотопная, ветхая, да и ее тоже не хватало. Стульев по несколько штук на отделение, тумбочки убогие и не у каждой кровати. Столов мало, кровати узкие железные с проваленными сетками. В отделениях по 1-2 умывальника, белье старое, ветхое, не постиранное, кушетки самодельные из досок. В больнице была

допотопная санитарная машина и вездеходный новый «Москвич». Два шофера, работающие только днем. Дежурные врачи дежурят на дому. Вызовы обслуживают по городу пешком, ночью их сопровождает дежурная сестра или санитарка одного из отделений. Если вызов в село днем, то едут на машине, а если ночью, то разыскивают шофера иногда с большим трудом и едут также на машине. Зимой же на вызовы в села едут только на лошади в санях. Ямщик - вызванный шофер. Для дежурного врача и шофера имелись тулупы. На лошадях выезжали на медицинские пункты и участковые больницы и только иногда на машине.

Врачей в больнице вместе с главным врачом было 9 человек: терапевты – М. М. Бабкина, М. Я. Перепелкина, О. М. Курочкина; гинекологи – М. И. Бабкина, Л. К. Бычкова, педиатр – Е. С. Лунькова, рентгенолог – З. Ф. Дубовицкая, окулист – Е. С. Реутова и главный врач А. И. Иванова, она же фтизиатр и инфекционист. В грязелечебнице два врача -- главный врач В. А. Осипов и физиотерапевт, совмещающая рентгенологию, Е. И. Ушакова.

Стационары переполнены, особенно терапевтический, где рядом с тяжелобольными взрослыми лежат во всех углах дети, своим криком надрывающие душу. Здесь же парализованные больные. Забит коридор, дежурная комната. Вонь несусветная, не заглушаемая запахом хлорки и медикаментов. Одним словом, коек для района катастрофически не хватало.

В поликлинике принимают 2-3 врача в одном кабинете в две смены. Какая уж тут этика и тайна больного! О своем кабинете врач только мечтает. На первом этаже поликлиники рентгенкабинет, рядом с ним глазной, напротив, в бывшей аптеке, терапевтический, противотуберкулезный, хирургический, причем хирургический занимает одну комнату, здесь и прием больных, и перевязки, и амбулаторные операции, и гипсование.

На втором этаже правого фланга зубной кабинет и кабинет зубного техника, физиокабинет, левого - лаборатория, гинекологический кабинет. Четвертую часть зала ожидания занимает отгороженная стеклянной перегородкой регистратура. В зале ожидания стоят полуразвалившиеся деревянные диваны с маркой Министерства путей сообщения - МПС.

Кроме районной больницы в районе 3 участковых:

1. Красненская на 25 коек.
2. Канинская на 25 коек.
3. Ново-Красненская на 10 коек.

А также 33 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов. Все три участковые больницы были с родильными койками. Шесть МП ютились в частных домах, остальные в приспособленных помещениях, как правило в тесных домах уехавших селян и не было ни одного типового.

Население района составляло 32 тысячи человек. Площадь -- 960 квадратных километров. Радиус обслуживания 30 км.

Всей больницей заправлял бухгалтер Н. А. Усков. «Нельзя», «Не положено», «Нет» - его обычные ответы и лексикон. Бюджет районного здравоохранения был мизерный, всего 180 тысяч, т.е. сколько облздравотдел даст, и на том спасибо, больше и не просили. Так было спокойнее.

Без бухгалтера главный врач ничего не решала, да практически в хозяйственные дела не вникала, занимаясь больше лечебными вопросами. Вот почему больница влачила жалкое существование. В еще худшем положении находились участковые больницы, получая крохи из этого жалкого пайка, не говоря уж о МП, где и в помине не было элементарного оборудования - кушеток, столов, тумбочек, шкафов, не хватало шприцев, не говоря уж о гинекологических креслах и физиоаппаратуре. Вот коротко, штрихами, состояние здравоохранения района, когда 21 января 1963 года главным врачом района стал В. А. Никитков.

Но эта картина была бы неполной без характеристики коллективов. Склоки царили не только между коллективами больницы и грязелечебницы, но и внутри их. Анонимки расцветали пышным цветом, стали обычным явлением, будоражащим и развлекающим коллектив. Каждый коллектив делился на три группы: главный врач и его приближенные, оппозиция и нейтральные.

Главные врачи Иванова и Осипов были непримиримыми врагами, допускали друг против друга, мягко говоря, некорректные выпады. То, что говорила Иванова об Осипове, тотчас доносилось ему, и наоборот. Те врачи больницы, которые контактировали с Осиповым, автоматически становились врагами Ивановой, и наоборот.

Как уже говорилось, в 1948 году после А. П. Нестеровой главным врачом грязелечебницы стала О. М. Курочкина, приехавшая после войны по направлению облздравотдела на работу в Сапожковскую больницу хирургом. С 5-го курса мединститута ей вместе со всеми однокурсниками выдали диплом врача и отправили на фронт, где она всю войну проработала военным хирургом. Неуравновешенная, скандальная, склочная, грубая, издерганная войной, она восстановила против себя коллектив грязелечебницы и где-то в 1960 году решила переехать в Липецк, тоже в грязелечебницу. Главным врачом вместо себя уговорила терапевта В. А. Осипова, недавно приехавшего на работу в Сапожок. Он согласился вроде бы без особого желания. Но в Липецке Курочкину с ее замашками коллектив отверг, и она через 2-3 месяца вернулась в Сапожок (благо, что семья ее еще оставалась здесь), надеясь занять свое прежнее место главного врача грязелечебницы. Осипов был согласен, по крайней мере, на словах, уступить ей его, но воспротивилось районное начальство и коллектив грязелечебницы. Тогда она вынуждена была проситься хоть кем-нибудь в районную больницу, но ее туда тоже не брали. И лишь с большим трудом, через облздравотдел, взяв с нее слово вести себя нормально, ее взяли, наконец, терапевтом. Но на первых порах она в терапии совершенно не разбиралась и постоянно обращалась за помощью к тому же Осипову, приглашая его постоянно на консультации к больным, налаживая с ним отношения и надеясь перейти на работу в грязелечебницу хотя бы ординатором. И он даже соглашался взять ее, и уж приходила она на работу к нему, но в последний момент он ей говорил, мол я бы вас взял, но коллектив против. И так несколько раз. Это сделало Курочкину ярким врагом Осипова, сначала скрытым, а затем открытым. Забегая вперед, скажу, что судьба ее окажется трагичной, даже ужасной. В 1970 году она убила свою младшую дочь 10-классницу, проломив ей череп утюгом, а затем, для гарантии, перерезав локтевые вены до кости, и зарезалась сама, нанеся себе множественные ножевые ранения, каждое из которых не было смертельным, но вместе обескровили ее, приведя к смерти.

Нового молодого главного врача больницы Никиткова коллектив встретил скептически, предрекая ему недолгую жизнь на этом поприще, да и облздравотдел, зная ситуацию в Сапожке, остерегал его. Но именно на этом поприще главного врача всю развернулся организаторский талант. Еще в институте, когда его спрашивали, кем он хочет быть, он то ли в шутку, то ли всерьез отвечал: главным врачом. И еще он считал, что главным врачом должен быть непременно хирург, каковым он уже был. Но одного таланта организатора, конечно, недостаточно, чтобы 30 лет руководить здравоохранением района и таким большим коллективом. Для этого надо быть таким, каким он был. Человек, безусловно, неординарный, исключительной порядочности и нравственности, гуманист, мудрец, большой внутренней культуры и такта, философски относящийся к жизни. При кажущейся мягкости обладает сильной волей и исключительной настойчивостью в достижении цели. Не терпит сплетен и доносов и не реагирует на них. Вспыльчивый, но отходчивый. Умеет отличить зерна от плевел. Как Кутузов - хорошему не препятствует, плохое не пропустит. К старикам и детям относится одинаково почтительно. С готовностью помогает всем униженным и обиженным. Любит и ценит юмор. Все понимающий, никогда и никого не осудит, а поймет, деликатный, осторожный, часто выражается иносказательно, вроде бы и не по делу, а оказывается в самую точку. Человека видит насквозь и не ошибается в оценках. Необыкновенно добр. Никогда никого ни в чем не упрекнет. Всегда выручит из беды, поможет. Душа компании. В политику не вмешивался, но прогнозы его всегда точны. Большой знаток классической литературы. Современную не признает. Обладая большой памятью, он часами и очень выразительно может читать наизусть Пушкина, Белинского, Гоголя, Есенина, Толстого, Шекспира, Грибоедова. На каждый случай жизни у него или пословица, или частушка, или изречение великих, или афоризм. И каждый день обязательно что-то новое. Прямо кладезь народной мудрости. Уже в молодые годы он хорошо разбирался в человеческой психологии. Исключительно гостеприимен. С людьми сходится хорошо, помнит всех по фамилии, имени, отчеству. Никогда не мелочится. Хороший диагност с умными и очень красивыми руками. Любимое занятие для отдыха - охота. Охотник отменный. Говорят, чтобы узнать человека, понаблюдай, как он относится к матери и детям. В этом плане он может быть примером.

Но все эти качества откроются в процессе работы. А пока... Терпение, терпение, терпение... Энергичный, деятельный, инициативный он столкнулся с консерватором-бухгалтером, который никак

не хотел отдавать бразды правления, знал все законы и препятствовал всему. Но он, бухгалтер, на первых порах не знал, что Никитков - человек, умеющий добиваться своей цели, а цель у него была одна - поднять здравоохранение района на должную высоту. И, в конце концов, политикой кнута и пряника он поставил себя настоящим хозяином, а остальных поставил на свои места.

В этом же, 1963 году, Сапожковский район при Хрущеве в результате нового административного деления, по сельскому хозяйству отошел к Сараевскому району, а по промышленности к Кораблинскому. Сапожковская больница стала номерной, а Сараевская центральной. Сапожковская областная грязелечебница, подчинявшаяся непосредственно облздравотделу, отошла к Кораблинскому району. В 1964 году район отошел от Сараевского района к Ухоловскому, и Сапожковская больница стала номерной теперь уже Ухоловского района. Вся эта пертурбация еще более ухудшила положение здравоохранения Сапожковской зоны, т.к. бюджет урезался в пользу, конечно же, центральных больниц, сначала Сараевской, затем Ухоловской и сковывала инициативу главного врача. Но в 1965 году район вновь был восстановлен в прежних границах, и Сапожковская больница приобрела статус центральной районной больницы, а главный врач стал называться главным врачом ЦРБ.

Прежде всего, он начал налаживать необходимые связи с облздравотделом, областными и районными финотделами. А связи налаживать у него получалось, ибо кроме прочих качеств он был еще большим дипломатом. Добился значительного увеличения ассигнований на здравоохранение района, и первое, с чего он начал, это приведение в порядок, ремонта существующих лечебных корпусов, приобретения медицинской мебели, медоборудования, мягкого и твердого инвентаря, физиоаппаратуры, санитарного транспорта. Все отделения преобразились, но скученность в них невероятная. Коек катастрофически не хватало. Главный врач часто был вынужден выезжать в область просить, выбивать деньги, оборудование, штаты. Все это ему потихоньку удается. В работе с коллективом начал с того, что не реагировал на подметные письма, наушничанье пресек.

Но... не всем его деятельность нравится. В коллективе остается еще старая закваска. Так, Курочкина, считая себя освобожденной с отъездом А. И. Ивановой от клятвы вести себя нормально, снова взялась за свое. Она сразу же развернула кампанию травли В. А. Осипова, главного врача грязелечебницы, доказывая во всех инстанциях, что он враг народа, еврей, что имя-то его и фамилия совсем другие. Нашла какие-то письма, где его называют Воля. Его даже проверяли по линии КГБ, правда, ничего не нашли. Осипов со своей стороны в долгу не оставался. Только ключья от них летели. Если Курочкина заходила криком, то Осипов громко хохотал, обезоруживая и еще больше зля ее. Видя, что Осипов орешек крепкий, тоже участник войны, что спихнуть его со своего бывшего кресла, а самой снова сесть в него, не удастся, она решила идти обходным путем, а именно, предложила ему, с его слов, такой вариант, мол, если я стану главным врачом больницы, Вы согласны будете со мной поменяться местами? Смеясь над ней в душе, он ей ответил положительно.

Вот тогда и понеслось! Вот тогда она начала новую кампанию, но уже против главного врача больницы Никиткова, очернительство его. Написала целую петицию I секретарю РК КПСС В. М. Румянцеву, все по пунктам. Главным ее аргументом было, что он часто уезжает в Рязань, что не следит за персоналом, который опаздывает на работу, и что, глядя на всех, и она стала опаздывать. Румянцев пригласил к себе В. А. Никиткова, секретаря парторганизации больницы Е. С. Лунькову и ее. По каждому пункту Лунькова дала ей такой бой, так ее отчитала, так вступилась за главного врача, опровергая ее обвинения, что Курочкина ушла побитой. Опрометчиво считая, что с молодым и неопытным главным ей будет легко справиться, отстранить от должности, она ошиблась. Даже более того, главный своим доброжелательным к ней отношением, несмотря ни на что, смог ее укротить, успокоить, заставил уважать себя и как главного врача, и как человека. Правда, Курочкина, будучи членом КПСС, часто ходила к Румянцеву в райком и домой, информируя его обо всем, что делалось в больнице. Кстати, перед трагической смертью Курочкиной главный врач был в Ленинграде на усовершенствовании. Она очень ждала его возвращения, говорила, мол, наверное, не увижу его больше, не дождусь. Только после мы догадались, почему она так говорила, задумав покончить с собой. Трагическому ее концу, безусловно, способствовала тяжелая семейная обстановка. Несомненно, если бы Никитков был в Сапожке в это время, не случилось бы с ней траге-

дии, ибо он умел ее разговорить, утешить и поднять настроение. Вообще в ее поведении были отклонения от нормы, что, в конце концов, она подтвердила своей смертью. То она полна энергии, то спустя какое-то время, впадала в депрессию, что в психиатрии называется маниакально-депрессивным синдромом. Надо отдать ей должное, что она умела хорошо выступать на собраниях, наладила диспансеризацию терапевтических больных, пройдя специализацию по терапии, хорошо разбиралась в болезнях.

Кроме обязанностей главного врача, требовавших много сил и времени, а также частых отъездов в область и район, Никитков остался единственным хирургом в районе. Правда, на приеме ему помогала хирург Л. М. Демиховская, но ей было уже под 80 лет. Чтобы развязать себе руки, он поехал в Рязанский медицинский институт и отобрал себе студента 6-го курса И. Ф. Доникова, будущего хирурга. Из него вышел прекрасный хирург. Ну а главный врач, не бросая хирургию, большей частью занялся организацией здравоохранения в районе, укреплением его материально-технической базы, кадрами, санитарным и иным транспортом.

С преодолением больших формальных трудностей был куплен для больницы пятистенный старый частный деревянный дом рядом с хирургическим корпусом по улице Революции, 6. Сюда он перевел бухгалтерию и свой кабинет с первого этажа этого корпуса. Потеснив родильное отделение, т.к. рожениц к этому времени стало заметно меньше, из общего отделения перевел детские койки. Теперь детское отделение заняло помещение бухгалтерии и две палаты родильного отделения. Это был пусть не лучший, но выход. Дети получили свой стационар, и расширялось терапевтическое отделение, что благоприятно сказалось на стационарном обслуживании детей и взрослых, на санитарном состоянии этих отделений. Это было началом всех преобразований. На месте приобретенного разваленного дома, где разместились бухгалтерия, очень быстрыми темпами было построено одноэтажное кирпичное здание под бухгалтерию, кабинет главного врача, СЭС и квартиру для главного врача. Временно, на период стройки, бухгалтерия разместились в прихожей того же родильного отделения. Вообще все стройки в последующем шли всем на удивление очень быстрыми темпами, ибо главный врач работал с раннего утра до поздней ночи, не давая покоя ни себе, ни строителям, ни персоналу. Сам доставал стройматериалы, «выбивал» деньги и в области, и в районе, и все их осваивал не в пример многим районам.

В 1966 году была расширена амбулатория за счет пристройки и надстройки. Для своего времени амбулатория, построенная Стахановым, была образцовой. Но теперь? Долго сомневался главный врач в необходимости этой надстройки и пристройки для расширения амбулатории, вернее, не в необходимости расширения, ибо в этом сомнения не было, а в том, что разрушалась оригинальная архитектура этого здания, о котором написано выше. Но... как ни уважал он старину, ради дела решился на реконструкцию, которая состояла в соединении спереди и сверху фланговых частей 2-го этажа. Весь оригинальный парадный вход-портик с ажурными колоннами, таким образом, оказался внутри пристройки. Колонны, однако, разрушены не были, а стали частью интерьера пристройки первого этажа. На месте портика справа, разместили регистратуру, слева, через узкий коридор, сначала раздевалку, а затем флюорографический кабинет. Были заложены 2 круглых окна, выходящие ранее из зала в портик. На втором этаже надстройки было открыто 5 врачебных кабинетов: три справа и 2 слева через коридор. Все эти кабинеты большие, светлые. Это существенно улучшило амбулаторное обслуживание больных, а отделение стало называться поликлиническим. Регистратуру, занимавшую почти четвертую часть зала ожидания, сломали, зал приобрел первозданный вид. В кабинеты поликлиники завезли современную медицинскую мебель, шкафы, столы, стулья. В зал поставили вместо разваленных деревянных диванов МПС красивые голубого цвета стулья. Все это удивляло и радовало. Было заменено печное отопление на водяное в детской консультации и детских яслях. Дровяные колонки во всех отделениях заменены на электрические. В кухне установлено электрооборудование. Заменено печное отопление водяным в Канинской и Краснинской участковых больницах. Все медпункты выведены из частных домов в собственные помещения.

В 1968 году была изготовлена документация на строительство лечебного типового корпуса на 60 коек. И все это было сделано всего за пять лет работы главного врача. В эти же годы проводилась работа по улучшению медицинского обслуживания населения. Сестры овладевали смежными спе-

циальностями. Ежемесячно проводились сестринские конференции. Ежемесячно проводились районные конференции медработников по специально разработанной программе. Для акушерок проводились семинары отдельно, причем докладывали по темам они сами. Во всех больницах района, ФП, заведена статистическая документация, налажена регулярная консультативная помощь врачам участковых больниц и фельдшерам МП. В Канинской участковой больнице в специально приобретенном помещении открыт рентген-кабинет. Обе участковые больницы укомплектованы зубными врачами. В обеих участковых больницах открыты клинические лаборатории.

Были увеличены штаты как врачей, так и сестер поликлиники. Поликлиника укомплектована врачами узких специальностей: ЛОР, невропатологом, онкологом, подростковым. Открыта биохимическая лаборатория, кабинет ЭКГ. Проведена реорганизация работы регистратуры, введена талонная система. Штаты ЦРБ приведены в соответствие с приказом № 830 Министерства здравоохранения СССР. Проведена аттестация заведующих ФП и акушерок.

В 1968 году, к великой радости врачей, открыт пункт скорой медицинской помощи, укомплектованный фельдшерами, диспетчерами, машинами скорой медицинской помощи с необходимым набором медицинструментария, снабженными рациями. Это значительно улучшило экстренную помощь на дому как городскому, так и сельскому населению, облегчило работу дежурных врачей. Был открыт также на базе хирургического отделения пункт забора крови. Выделена диетсестра. Для архива выделено помещение, архивные документы приведены в соответствующий порядок. Больница в достаточном количестве приобрела санитарный и грузовой транспорт. Участковым больницам выделено по санитарной и грузовой автомашине.

В 1966 году при ЦРБ был открыт оргметодкабинет. Эти кабинеты стали открываться впервые во всех областных и центральных больницах в связи с вступлением страны во Всемирную организацию здравоохранения. В связи с этим вводилась единая унифицированная учетно-отчетная документация, которая должна поступать теперь в ВОЗ. Вводилась и новая классификация болезней, единая для всех стран, входящих в ВОЗ. До этого в стране действовала советская классификация болезней, резко отличающаяся от мировой.

Приехавший из облздравотдела заместитель заведующего отделом В. И. Петров уговорил на должность заведующего методкабинетом ЦРБ на общественных началах меня. По сути это должность заместителя главного врача по оргметодработе. Официально, будучи женой главврача, я ее занять не могла. Но по сути дела, с приездом в Сапожок мне без того в основном приходилось заниматься организацией медицинской помощи в районе, т.к. была кроме всего заведующей поликлиникой и тоже на общественных началах. Заместителей главного врача тогда не было, мне приходилось выполнять их функции, и у меня, кажется, получалось. Работала много и с интересом, работа была на первом плане. Была председателем ВТЭК и ВКК, председателем колхозной комиссии, судмедэкспертом от областного бюро судебно-медицинской экспертизы, председателем производственного сектора райкома профсоюза медработников. И чем больше было работы, тем было интереснее, и не уставали. По методкабинету незаменимым помощником была медстатистик Н. М. Горшкова.

С 1966 года появился заместитель главного по медицинской части. Им была Л. К. Бычкова - акушер-гинеколог. Но она и последующие были ведущими специалистами - то хирург, то терапевт, то стоматолог, и основная их работа не позволяла заниматься в полную силу медицинской службой, поэтому и медицинской частью приходилось заниматься опять же мне. Теперь удивляюсь, как я все успевала. Молодость, конечно, и желание поднять здравоохранение на должный уровень.

Оргметодкабинет стал центром всех начинаний. Внедрение новой статистической документации, составление и сдача годовых отчетов, планы работы, анализ качественных показателей работы, составление сравнительных таблиц, работа созданных советов сестер, советов фельдшеров, медсовета, организация комплексных выездов в села района, конкурсы на звание «Сестра-золотые руки» и «Лучший фельдшер района», соцсоревнования на лучший ФП, лучшее отделение больницы, лучшее эстетическое оформление отделения, вопросы временной нетрудоспособности населения, взаимные проверки участковых больниц и ФП, создание школ передового опыта и проведение учебы на них, проведение конференций, отчеты о работе главных врачей участковых больниц,

главных специалистов района, зав. ФП - вот неполный перечень задач, решением которых занимался методкабинет.

В 60-х годах по всей стране внедрялись соцсоревнования, как стимул в работе, повышении производительности труда. Коллективы брали на себя коллективные обязательства, которые красочно оформлялись и вывешивались на видных местах, а сотрудники брали индивидуальные. Периодически проверялось выполнение пунктов как коллективных, так и индивидуальных, а к концу года подводились итоги, выдавались лучшим переходящие вымпелы, денежные премии, значки «Ударник коммунистического труда», «Победитель соцсоревнования», фотографии лучших медработников помещали на Доску Почета. Надо сказать, что тогда это казалось во многом формализмом, но как это оживляло работу и в ЦРБ, и в участковых больницах, и ФП. Все отделения преобразились. Здесь надо отдать должное бывшим в эти годы старшим медсестрам З. М. Кузнецовой и особенно Р. М. Алешечкиной, которая в смысле эстетики отделений сделала очень много. Во всех отделениях появились красивые шторы, было разведено громадное количество цветов, как в отделениях, так и вокруг них. И только теперь, спустя 10 лет, когда все замерло по всей стране, вспоминаешь, что не формализм то был, а стимул движения вперед, и что это было нужно.

Заработал радиолекторий. Читались тематические циклы лекций, такие как «В человеке все должно быть прекрасно», «Жить человеку не меньше ста», «Тайна чудесных исцелений». Время не ограничивали. Радиоредактором и диктором тогда была ушедшая на пенсию первый секретарь РК КПСС Н. А. Моторина. Систематически выходила медицинская страничка в районной газете «Заветы Ильича». Широко развернулось наставничество, которое возглавлял совет наставников.

Главный врач большое внимание уделяет повышению квалификации врачей и средних медработников, да и сам постоянно совершенствуется. Только за пять лет работы в Сапожке главным врачом он прошел заочно-очный цикл по хирургии в г. Казани, закончил заочно-очный курс усовершенствования главных врачей на базе Московского ЦИУВ с 9-ти месячной предцикловой подготовкой, курс усовершенствования по абдоминальной хирургии в Казанском ГИДУВе. Коллектив больницы активно участвовал в смотрах художественной самодеятельности, занимал, как правило, первые места. На наши концерты невозможно было пробиться. Одним словом, коллектив ожил, сплотился, жизнь забила ключом, стало интересно и творчески работать. Значительно были улучшены основные показатели работы. Так, не было материнской смертности, инфекционная заболеваемость ниже среднеобластной, самая низкая в области заболеваемость с временной нетрудоспособностью, самая низкая в области детская смертность, за что педиатр Е. С. Луньковва получила почетное звание заслуженного врача РСФСР и орден Ленина.

В 1967-1969 годах снова на базе ЦРБ по линии Красного Креста были открыты курсы по подготовке медсестер. Набирали 40 человек местных девушек и женщин. Большинство из них после окончания этих курсов остались работать в райбольнице. Эти курсы позволили решить кадровый вопрос с медсестрами, т.к. появлялись новые отделения, кабинеты, росли койки ЦРБ, и фельдшерские школы г. Рязани и области не могли удовлетворить потребности районных больниц в сестрах. Преподавателями курсов были врачи ЦРБ.

В 1968 году, заглядывая вперед в смысле расширения территории больницы, главный врач приобрел большую усадьбу по улице Больничной, рядом с поликлиникой вместе со старым домом, построив взамен хозяевам этого дома шикарный особняк. Территория больницы, таким образом, расширилась до 0,3 га.

Теперь немного о грязелечебнице. В 1963 году грязелечебница была с 25 коек расширена до 50-ти, за счет пристройки в 2 этажа к первому корпусу и за счет передачи ей одноэтажного деревянного полуразваленного дома напротив детской консультации - угол Садовой и Ленина, откуда были выселены жильцы из-за непригодности этого здания для жилья. Теперь этого здания нет, на его месте построен шикарный частный особняк. На первом этаже пристройки к первому корпусу была оборудована душевая для больных после приема ими грязи. Ранее душевая находилась в грязевом отделении. Теперь грязевое отделение, за счет вывода из нее душевой, было, значительно, расширено. На втором этаже пристройки был размещен физиокабинет, который ранее занимал большую палату. В ветхом деревянном здании без всяких удобств открыли гинекологическое отделение всего-то на 5 коек. Но сюда клали и общих больных, иногда до 15 человек.

И все же 50 коек были размещены с большим трудом. Больные лежали во всех коридорах. Процедурная, сестринская, кабинет медстатистики ютились в одном небольшом проходном кабинете - через него проход в кабинет главного врача, в котором едва умещался стол и кушетка, в нем же велся прием больных. В 1964 году, как уже говорилось, наш район был ликвидирован и в связи с большой потребностью в грязелечении областной физиобольнице, как теперь стали именовать грязелечебницу, были отданы освободившиеся здания РК КПСС (теперь музыкальная школа), (райвоенкомата), теперь 3-й корпус, и райисполкома. Эти здания, хотя и большие, но совершенно не подходили под стационар. Так, в здании РК КПСС большую часть второго этажа занимал конференц-зал, удобств никаких, нет туалета, нет воды. То же и в здании РВК и РИКа. Все эти здания в центре поселка, примерно в километре от территории физиобольницы. В связи с передачей этих зданий физиобольнице, она стала 100-коечной. Кстати, в связи с ликвидацией района помещение парткабинета, над аптекой, было передано больнице, куда было переведено из поликлиники стоматологическое отделение и зубопротезная. В поликлинике же за счет освободившихся зубных кабинетов была расширена лаборатория и открыт второй терапевтический кабинет. Но... В 1965 году район снова восстановили, и здание РК КПСС и РИКа снова вернулись им. РВК остался у грязелечебницы.

Итак, физиолечебница стала 100-коечной, однако обслуживание грязевых больных ухудшилось: та же грязевая, та же кухня, та же столовая в подвале вместо 25 больных должны обслуживать 100 в 3-4 смены, увеличилась нагрузка на прачечную. А потребность в грязелечении росла. К этому времени было доказано, что лечение сапожковским торфом является могущественным фактором воздействия на ряд болезней, как-то: травмы, ранения, костные заболевания, суставные, воспаления женской половой сферы, ревматизм, кожные, периферической нервной системы и т.д. Применявшееся до сих пор в течение ряда лет лечение этой грязью оказывало благотворное влияние на больных, иногда годами болевших, с полным восстановлением работоспособности, о чем уже говорилось. Вот почему снова стал вопрос о строительстве в Сапожке санатория, для чего требовалось определить запасы лечебного торфа. С этой целью в 1958 году в район прибыла поисковая партия «Теоминвод», которая обнаружила на территории района еще 11 месторождений целебного торфа. Запасы его с учетом быстрой регенерации, по заключению экспедиции, практически неисчерпаемы.

Итак, вопрос о строительстве санатория в Сапожке снова стал вплотную. Но снова решен не был. И вот почему. Сначала вопрос этот сдвинулся. В. А. Осипов, главный врач физиобольницы, человек энергичный и пробивной, нашел поддержку в этом вопросе в Рязанском обкоме КПСС, обкоме профсоюза и ВЦСПС. В Сапожок начали приезжать комиссии и из Рязани, и из Москвы, согласовывали с местным начальством все вопросы, решали, выбирали место для будущего санатория. Наконец, было решено построить в Сапожке грязевой санаторий на 2 тысячи мест у Пушкинского леса. Был составлен прекрасный проект, заплачены за него большие деньги. Согласно плану, к 1970 году должна быть пущена в строй первая очередь санатория на 500 мест. Великолепный план предусматривал не только лечебные корпуса, но и жилые помещения для персонала, бассейны, парки и цветники. Палаты на 1-2 человек. И уже пробурили там скважины для питьевой воды и 2 скважины с минеральной водой - бромно-хлоридно-натриевым рассолом, которую должны были также использовать в лечебных целях. Уже были отпущены деньги на строительство асфальтовой дороги от трассы Москва - Куйбышев до Сапожка.

Но... Всегда это проклятое «но». В связи с расширением грязелечебницы, потребовались кадры, как врачей, так и среднего медперсонала. Их Осипов черпал в ЦРБ, врачей - по совместительству, сестер брал насовсем. Из врачей туда рвались Курочкина, о чем уже говорилось, и бывший акушер-гинеколог, переqualифицировавшаяся после случившейся материнской смертности в невропатолога, М. И. Бабкина. Но он их не брал.

К этому времени, надо сказать, в физиобольнице к Осипову сложилась оппозиция во главе с медсестрой Т. Н. Сериковой, бывшей в годы войны в Сапожке заведующей райздравотделом и претендовавшей сейчас в старшие сестры. До этого она и была старшей сестрой грязелечебницы, но Осипов ее заменил более его устраивающей Е. Ф. Юдашиной, из-за чего и началась возня, ибо Серикова считала свою замену незаконной. Осипов пренебрег ею. Дело доходило до грубых личных

оскорблений с обеих сторон, несмотря на то, что он был врач, а она сестра. Серикова жаловалась на него в РК КПСС, их дело разбирали. Осипов в райкоме сказал такую чушь, которую Серикова ему, конечно, простить не могла. Стать врагом Сериковой было опасно, ибо она была человеком, знающим законы, умела хорошо сказать и доказать, все собирала и фиксировала. Причем делала все спокойно, обстоятельно, с толком, основываясь на фактах. Она собирала вокруг себя круг недовольных, которых всегда можно найти. Все это были медсестры, все партийные. К ним приехали и Курочкина с Бабкиной. Все это я пишу потому, что эта оппозиция, вернее, кучка злопыхателей, сыграет и в судьбе Осипова и, что очень жаль, в судьбе планируемого санатория, роковую роль. Дело еще в том, что В. А. Осипов, при всех своих положительных качествах, отличался некоторыми странностями, в том числе давал ход сплетням, принимая их за истину, мелочился, дразнил эту кучку, смеялся над злопыхателями, подливая масло в огонь, чувствуя себя в безопасности под покровительством высокопоставленных лиц, с которыми он вел дело по санаторию.

А приезжающие комиссии по строительству санатория надо было кормить, поить, и не водой и, конечно же, не за их счет. Это понимали все, а злопыхатели тем более. И вот на Осипова посыпались анонимки, как из рога изобилия, в которых его обличали во всех смертных грехах, а не только в нарушении финансовой дисциплины. Приехавшая первый раз КРУ по этим анонимкам (ревизия из Рязани) особого ничего не нашла, как, впрочем, и раньше ежегодно проводимые ревизии облздравотдела. Но, не удовлетворенные актами ревизии, начали с новой силой и злобой писать во все инстанции. Осипов же после такой солидной ревизии ничего не боялся и тоже с еще большим сарказмом будоражил Серикову и иже с ней, подкидывая им темы и еще более разжигая их пыл. Наконец, по многочисленным анонимкам снова приехала Рязанская КРУ уже в другом составе, которая провела повторную и более тщательную ревизию. И то, что она обнаружила, было как гром среди ясного неба. То, что знала и о чем писала злобствующая оппозиция, оказалось мелочью. Подвела Осипова бухгалтерша, ранее судимая, и кассирша. Во многих документах ими были очень ловко подделаны его подписи. Для Осипова все было, как снег на голову, ибо бухгалтерии своей он доверял полностью, тем более, что плановые ежегодные ревизии ревизорами облздраво т-дела проходили нормально много лет. Только один документ был вменен ему в вину лично: подписал акт о том, что, якобы, был вырыт котлован и за эту работу выплачено 250 рублей, сумма по тем временам существенная. На самом деле эти деньги пошли на оплату в ресторан за обед очередной московской комиссии по санаторию. Началось следствие. Злопыхатели праздновали Пиррову победу с плясками, песнями, вином и закуской, помогая всюю следствию, собирая дополнительно всю грязь, какая была и какой не было. Осипов эту сумму выплатил, не считая себя виновным в остальном.

Суд был многолюдным. Осипов на суде защищал себя сам, без адвоката, да так блестяще, что злопыхатели перепугались, как бы его не оправдали, и вели себя, говорят, на суде так безобразно, что их неоднократно одергивали и предупреждали, что попросят покинуть зал в случае дальнейшего такого поведения. Суд шел несколько дней. Осудили всех троих: Осипова, бухгалтершу и кассиршу за групповое преступление на разные сроки, Осипова на 6 лет. Его жена, медсестра, собирала подписи в его защиту. Большинство медиков поддержало его. Может, помогло это: через два месяца его освободили из заключения, оправдали. Но, скорее всего, помогло вмешательство более высокопоставленных лиц. После осуждения Осипова место главного врача физиобольницы осталось, таким образом, вакантным и на него претендовали двое: Курочкина открыто и Бабкина втихаря, но, заручившись кое-какой поддержкой в области и не сомневаясь в победе. Из друзей по оружию против Осипова теперь они стали врагами. Но ни ту, ни другую главным врачом не оспаривали, а и.о. главного врача назначили З. Ф. Дубовицкую, совмещающую 0,5 ставки в грязелечебнице.

Освобожденный из заключения Осипов приказом по облздравотделу был принят на работу терапевтом в ЦРБ. Надо сказать, что В. А. Никитков и В. А. Осипов, когда он еще был главным врачом грязелечебницы, жили спокойно, корректно и подчеркнуто вежливо относились друг к другу, но дружбы между ними не было, ибо люди они по характерам и взглядам на жизнь были разные. Проработав несколько месяцев в Сапожковской ЦРБ, Осипов со всей семьей переехал в г. Зарайск Московской области. Был он физически исключительно крепким. В свои 50 с лишним лет ходил

на большие расстояния на лыжах, до поздней осени купался в реке, был жизнерадостным, оптимистичным. Умер он в Зарайске в 1991 году. Через два года, выпущенная из тюрьмы по состоянию здоровья, умерла его кассирша.

Естественно, что после всего случившегося вопрос о строительстве в Сапожке санатория заглох. На деньги, отпущенные на строительство асфальтовой дороги до Сапожка, по распоряжению первого секретаря обкома Приезжева в Рязани был построен театр кукол, очень хороший театр. А уж было приехали косить рожь на месте будущего санатория, чтобы рыть фундамент... Потом говорили, что Приезжев, первый секретарь Рязанского обкома КПСС, выступил против этого санатория, боясь, что все население района уйдет туда на работу из колхозов и совхозов. Но население из нашего, как, впрочем, и из других районов, все равно ушло, а санаторий построен не был.

Пишу это и вспоминаю, а из глубины души поднимается волна горечи от того, что из-за непорядочности людей было загублено такое хорошее, такое нужное для больных людей дело. Конечно, если бы с Осиповым не сыграли его подчиненные злую шутку, санаторий здесь давно бы был.

В 1967 году главным врачом физиобольницы стал присланный облздравотделом А. П. Ермаков, по специальности рентгенолог, два года назад закончивший вместе с женой Рязанский медицинский институт. Это был человек хороший, но малоактивный, инертный, равнодушный, довольствовавшийся тем, что есть. Эстафету по санаторию он не захотел принимать, и когда по инерции еще приезжали люди по строительству санатория и обращались к нему, он им давал от ворот поворот, отказывая в транспорте, чтобы доехать до места планируемого санатория, заявляя, что обращаются не по адресу.

В 1967 году главный врач больницы начал строительство кухни больницы и детской молочной кухни. Это 2-х этажное здание строилось в одну линию с инфекционным отделением и прачечной, вглубь двора и уже через год было пущено в эксплуатацию. Обе вновь построенные кухни были оснащены современным электрооборудованием и прочим инвентарем. Кухня больницы, таким образом, была выведена из темного, сырого подвала хирургического корпуса. Впервые в Сапожке появилась детская молочная кухня. Канализация хирургического корпуса была соединена с общегородской. Так как городская водопроводная сеть работала с большими сбоями, для обеспечения работы лечебных корпусов водой, на территории ранее приобретенной усадьбы, была построена своя водонапорная башня. Проблема с водой была решена.

В 1967 году была закрыта в связи с резким уменьшением населения участка Ново-Краснинская участковая больница. По этой же причине в 70-х годах было закрыто 6 медпунктов. Население уменьшалось за счет молодежи, которая, окончив школу, покидала свои родные пенаты и уже больше не возвращалась, а старики умирали. Прироста населения не только не было, а, наоборот, смертность намного превышала рождаемость.

Как уже говорилось, в 1968 году была изготовлена документация на строительство типового лечебного корпуса на 60 мест. Построить его предполагалось в третью линию - между инфекционным отделением и городским парком, где ранее был огород, а теперь многочисленные выгребные ямы и помойки, отчего грунт был зыбкий. Чтобы здесь строить, надо было привести в порядок канализацию, осушить этот грунт, что потребовало много усилий. Наконец, анализ грунтов показал, что можно здесь строить корпус. Кроме всего прочего надо было преодолеть сопротивление главного врача грязелечебницы, ведь территория-то общая. Корпус строился чрезвычайно быстрыми темпами. В строительстве участвовали врачи, сестры, санитарки, весь коллектив больницы. Одновременно с этим корпусом строилось двухэтажное кирпичное здание под общую котельную, прачечную, бельевые склады, гараж в одну линию с ним. С пуском в строй этих зданий все больничные корпуса этой территории были подключены к единой котельной. Старое здание прачечной полностью перешло к грязелечебнице. А новая прачечная больницы в два этажа, просторное светлое помещение, была оборудована мощными стиральными машинами, сушилками, гладильным залом, складом, бытовой комнатой. Все стройки велись благодаря громадным усилиям главного врача, хозспособом, при отсутствии строительных организаций в районе.

Новый типовой лечебный корпус не на 60, как предполагалось, а на 90 мест, был торжественно открыт в день 36-летия главного врача - 16 февраля 1971 года. Праздновали его всем коллективом, на 2-м этаже в холле был накрыт банкетный стол. Пели, плясали, все были в радостном настрое-

нии. В те времена банкеты были в порядке вещей. На втором этаже этого корпуса было размещено хирургическое отделение с гинекологическим с хорошо оснащенным операционным блоком. На первом этаже - терапевтическое с неврологическими койками. Эти отделения были укомплектованы прекрасной медицинской мебелью, мягким и твердым инвентарем, в обоих отделениях - палаты интенсивной терапии. В хирургическом отделении установлен портативный передвижной рентген-аппарат. Больница была расширена с вводом в строй этого нового лечебного корпуса до 200 коек. Соответственно увеличены штаты врачей и сестер. Теперь детское отделение заняло весь первый этаж бывшего хирургического корпуса по ул. Революции, а родильное отделение переведено на второй этаж, т.е. в бывшее хирургическое. Условия для этих отделений значительно улучшились с одной стороны, но ухудшились с другой: родильное отделение снова оказалось на расстоянии километра от хирургического. Но это пока.

За этот же период значительно укреплена материально-техническая база участковых больниц. Так, в обеих было сделано центральное отопление, в Краснинской больнице построено отдельное помещение для кухни, прачечной, построена амбулатория, дом для врача, которая ранее жила в одной из палат, гараж, свинарник, конюшня. В Канинской участковой больнице сделана большая пристройка под грязеводолечебницу и столовый зал. Краснинская больница с 25 коек расширена до 75 и перепрофилирована в психиатрическую, 25-коечная Канинская больница, где было внедрено грязелечение, перепрофилирована в физиотерапевтическую. Перепрофилирование участковых больниц, которые с уходом населения в город практически пустовали и стали нерентабельными, стало в нашем районе первой ласточкой - как в области, так и в стране. Укрепляется материально-техническая база ФАП и ФП. За счет средств колхозов и совхозов были построены типовые помещения для Васильевского, Фабричного, Н-Краснинского, Пригородного ФАПов. Все медицинские пункты пополнились медицинской мебелью, физиоаппаратурой, большинство из них газифицированы и телефонизированы. Все ФП укомплектованы хотя бы одним медработником. На некоторых МП начали применять грязелечение.

Главный врач грязелечебницы Ермаков нервничал, мол, чего это Никитков все строит и строит, ведь зарплата-то от этого не прибавляется. И он был прав: зарплата у них была одинаковой. У главного же врача больницы одно строительство требовало и цеплялось за другое. Улучшение материальной базы лечебных учреждений района благотворно сказывалось и на основных качественных показателях работы их, оставаясь на уровне выше среднеобластных. Плановые комплексные выезды бригады в составе ведущих врачей ЦРБ совместно с аптекой и СЭС, прививочные бригады стали обычными и проводятся в числе первых в области.

Проводится большая профилактическая работа среди населения. В 1976 году в поликлинике установлен флюорограф, создана единственная тогда в области флюоротерапия: на каждого человека заведен конверт, куда складываются его флюорограммы за все годы. Большое внимание уделяется диспансеризации больных, инвалидов Великой Отечественной войны, подростков, детей, онкологических больных, туберкулезных, психически больных, больных сахарным диабетом, гипертонической болезнью и др. Все службы систематически проверяются закрепленными за районом областными специалистами и работниками методкабинета, что стимулирует работу. Район стал школой передового опыта по рациональному использованию коечного фонда участковых больниц, в связи с чем на базе Сапожковской ЦРБ по обмену опытом был проведен выездной областной медсовет с приглашением главных врачей г. Рязани и районов области. Медсовет проходил в кинотеатре. Все организовали на высоком уровне. В фойе были вывешены сравнительные таблицы качественных показателей работы в динамике за несколько лет, планы выездов на ФП и их контроль. Эта таблица - план и выполнение выездов, была очень простой и наглядной, и многие главные врачи районов ее, как и многое другое, взяли на вооружение.

В освобожденном от кочегарки подвале поликлиники после проведенной громадной работы по его очистке и реконструкции - все под кафель, была оборудована и открыта водолечебница, грязевой зал на 4 кушетки, небольшой зал для сероводородных ванн и комната отдыха. Кроме ванн, в большом зале душевые установки Шарко - восходящий и циркулярный, Шотландский души. Все здесь было сделано так, что создавало уют и комфорт для больных. В комнате отдыха, где три окна на грязелечебницу, поставили мягкие красивые кушетки, повесили розовые шелковые портье-

ры, на кушетках - розовые верблюжьи одеяла, везде ковры и ковровые дорожки. Все ходили туда, как в музей, радовались и восхищались. Грязевые кушетки, сделанные по заказу в Москве, были с электроподогревом. Одним словом, чудо!

Открывали этот комплекс-грязеводолечебницу, торжественно. Был «Огонек» в зале поликлиники. Присутствовал председатель поссовета Н. И. Казин. Сначала все пошла смотреть «новорожденную» грязеводолечебницу, и вдруг из ванны для вертикального вытяжения выскочили ведьмы, русалки и другая водная нечисть во главе с владыкой морей Нептуном с трезубцем. Это были наши врачи: В. И. Пospelов, В. И. Жулянова, М. Н. Алешкин, А. Я. Труханова во главе с заводилой Л. Н. Сусоколовой. Ну а когда ведущая «Огонька» присела отдохнуть на восходящий душ, а это была лаборантка Анна Пономарева, а кто-то включил его -- смеху не было конца. Так, у физиобольницы, к великому их неудовольствию, появился конкурент по грязелечению, да еще прекрасная водолечебница, каковой в физиобольнице не было вообще. Если больным нашего района было практически недоступно грязелечение, т.к. облздравотдел на нашу больницу давал 2-3 путевки на месяц, как и в другие районы, и на грязелечение была громадная очередь, то теперь все изменилось. Стали лечиться здесь все нуждающиеся в грязелечении больные нашего района. Физиобольница, таким образом, оказалась в неудобном положении, т.к. обыкновенная районная больница ее переполюляла в вопросах физиотерапии.

Для главного врача больницы открытие грязелечебного комплекса было ходом конем, и вот почему. Сразу после осуждения В. А. Осипова, еще в 1966 году у главного врача ЦРБ появилась мысль объединить больницу и грязелечебницу, ибо только в этом он видел перспективу движения вперед того и другого лечебных учреждений: население района уменьшается, грязелечебницу надо расширять, что невозможно при наличии двух хозяев на одной мизерной территории, вопрос о санатории закрылся, по-видимому, навсегда. И вот тогда Никитков ставит вопрос об объединении этих учреждений перед облздравотделом. Бывший тогда заведующим облздравотделом В. И. Пономарев, прекрасный организатор здравоохранения и хорошо видевший перспективу, идею объединения не только поддержал, но и приветствовал, соглашаясь с доводами Никиткова. Слух о возможном объединении встревожил, как улей, физиобольницу. Там начался переполох, хождение в РК КПСС, первым секретарем которого все еще был В. М. Румянцев. Он, выслушав доводы одной стороны, выступил против объединения, мол как, район потеряет областное лечебное учреждение. Он всячески стал поддерживать главного врача грязелечебницы Ермакова, а его жену выдвинул в депутаты областного Совета. И когда Румянцев узнал об открытии в больнице водогрязелечебницы, он был взбешен, препятствовал этому, понимая, к чему это клонится, заявив главному врачу больницы, что, мол, ты на этом сломаешь голову. Серьезная угроза, ибо первый секретарь в районе был удельным князьком, и все делалось по его указке. К. С. Ермакова, будучи депутатом областного Совета, неоднократно обращалась к председателю областного Совета Макрову за сохранение статуса облфизбольницы. Макров, настроенный соответственно и Румянцевым, поддержку оказывал, обещал, что, пока он у власти, никакого объединения не будет. Все это было как бы подводным, неофициальным течением, длившимся несколько лет.

Заведующий облздравотделом Пономарев, будучи убежденным в необходимости объединения, где-то в 1970 году приехал в Сапожок уже официально для встречи с районным начальством и попытки убедить Румянцева и коллектив физбольницы в выгоде объединения больницы и грязелечебницы, что коллектив грязелечебницы ни в чем не пострадает, даже выиграет. Собрали собрание в физбольнице, пришли все до единого, настроение боевое, агрессивное. От РК КПСС был Румянцев, настроенный также соответственно. На этом собрании на заведующего облздравотделом, чувствуя поддержку свыше, был обрушен шквал оскорблений, угроз, грязи, ругани. Шум был невероятный. Злопыхатели и выступавшие - те же. В основном это медсестры во главе с той же Сериковой, ставшей теперь при новом главном враче старшей сестрой, т.к. врачей у них всего, не считая совместителей, трое, из них двое Ермаковых. Но что могли понимать сестры, кроме того, что они могут потерять теплые местечки, где им было тепло, спокойно, хорошо и никакой ответственности, ибо грязевые больные не требовали к себе большого внимания и ухода. Перспектива развития грязелечения их совсем не трогала, да они ее и не понимали.

На другой день после собрания делегация во главе с областным депутатом К. С. Ермаковой и парторгом грязелечебницы с соответствующим решением этого собрания поехали в Облисполком, к председателю его Макрову за защитой. Чтобы было все официально, была прислана Облисполкомом комиссия из двух врачей областной больницы, минуя облздравотдел, которые, не вникнув в суть дела, не удосужившись даже встретиться с главным врачом больницы, а выслушав Румянцева и переночевав у него на квартире, так как с одним из них они работали ранее в Сараях, на другой день уехали. Какое решение они приняли, ясно. Вопрос об объединении, таким образом, был закрыт. В. И. Пономарев, зав. облздравотделом, чуть не поплатился креслом и вскоре был вынужден переехать в Москву, над Никитковым тоже навис Дамоклов меч, он стал врагом № 1 у Румянцева, первого секретаря РК КПСС. Итак, вопрос об объединении был закрыт, закрыт для всех, но не для Никиткова, который, будучи уверенным в своей правоте, не сдался, а только временно отступил. Как уже говорилось, своего добиваться он умел, и чем больше препятствий, тем более.

В 1972 году ЦРБ приняла участие во Всероссийском смотре учреждений здравоохранения. Нужно было представить в облздравотдел альбом, в фотографиях и таблицах, а также с текстом, отражающим работу больницы. Затем эти альбомы всех медучреждений области, принимавших участие в смотре, облздрав отправлял в Москву, в центральную смотровую республиканскую комиссию. В создание этого альбома было вложено много труда, сил, души, творчества, фантазии. Больших размеров, на хорошей бумаге тематически логично расположенный фото и текстовый материал, графики и таблицы, наглядно отражающие здравоохранение района в динамике за 5 лет, прекрасные обложки, сделанные областной типографией. Равных ему не оказалось в облздравотделе, он привлекал особое внимание, и было мнение, что сделан он талантливо. Из всех альбомов из Москвы не вернулся наш один, его, как сказали, передали в павильон здравоохранения ВДНХ СССР. Наши попытки вернуть его не увенчались успехом.

В 1972 году Канинская участковая больница перепрофилирована в физиотерапевтическую, была участницей ВДНХ СССР, а за приближение специализированной медицинской помощи сельскому населению В. А. Никитков был награжден бронзовой медалью Главным выставочным комитетом ВДНХ СССР, о чем уже было написано выше. В этом же 1972 году отделом здравоохранения облисполкома главному врачу больницы присвоена квалификация врача-организатора здравоохранения I категории. Он бессменный депутат районного Совета, член исполкома районного Совета. Авторитет его среди населения и коллектива высокий. А он продолжает усиленно укреплять материально-техническую базу здравоохранения, строить, приобретать.

После пуска в строй лечебного типового корпуса в 1971 году начато строительство второго этажа над инфекционным отделением. Инфекционное же отделение было переведено в бывшее терапевтическое по ул. Садовой. Это строительство, как и все остальные, было закончено в рекордно короткий срок, и уже в 1973 году там было развернуто неврологическое отделение на 25 коек. Отделение, по сути, стало межрайонным, сюда стали приезжать на лечение из других районов и г. Рязани. Здесь широко применялось грязелечение, массаж, ЛФК. Отделение получилось великолепным: современная мебель, ковры в холле и коридоре, палаты на 2-4 человека. Заведующей этим отделением стала М. И. Бабкина. Таким образом, неврологические койки были выведены из терапевтического отделения, которое расширилось до 60 коек и стало чисто терапевтическим. В бывшее, построенное П. П. Стахановым инфекционное отделение, после капитального ремонта было переведено из корпуса по ул. Революции родильное отделение, т.е. на одну территорию с хирургическим.

Авторитет нашей больницы резко возрос. Она стала базой для государственной практики студентов Рязанского медицинского института им. Павлова и медучилищ области. Именно в нашу больницу стали приезжать высокопоставленные лица на грязелечение, ибо и условия содержания больных, и комплексное лечение давало хорошие результаты. Так, приехавшая на лечение доцент кафедры неврологии А. В. Шишкина, кстати, ранее защитившая диссертацию о лечении радикулитов Сапожковской грязью, ярая противница объединения больницы и грязелечебницы, познакомившись со всем на месте, стала теперь ярой сторонницей объединения и старалась как-то исправить ошибку. Так, по ее инициативе здесь прошла областная конференция невропатологов и физиотерапевтов, которые также высказались за объединение. А. В. Шишкина со своими предложе-

ниями и решением этой конференции выходила в облздравотдел и облисполком. Пробовала решить этот вопрос и завкафедрой микробиологии, профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук, депутат областного Совета Р. Н. Реброва.

Видя, что тучи снова сгущаются, А. П. Ермаков начал тоже кое-что строить, а именно, пристройку в два этажа к третьему корпусу и начал надстройку над прачечной, которая, как уже говорилось, теперь полностью отошла к физбольнице. Эта надстройка была как бы продолжением надстройки над инфекционным отделением, продолжением только что открытого неврологического отделения больницы. В строительстве Ермакову помогал и советом, и средствами также противник объединения, земляк его, главный экономист облздравотдела В. В. Кузьмин. С вводом в строй пристройки к 3-му корпусу, физиобольница со 100 была расширена до 165 коек. Койки-то снова были увеличены, а подсобные службы, как и раньше, оставались теми же, как и были, на 25, за исключением прачечной. Надстройку над прачечной Ермаков закончить не успел. Умер он в августе 1974 года 43-х лет от роду. Причина смерти точно не установлена, ибо вскрытие не проводилось, но клиника была острого панкреатита. Лечила его жена дома и тайно. И уж когда через 3 дня ему стало плохо совсем, пригласили хирурга И. Ф. Доникова, который ставил ему капельницы тоже дома и тоже полутайно. Главный врач больницы, видя, что дело плохо, вызвал хирурга из Рязани по санавиации. Хирург прилетел, но было уже поздно. Похоронили его на родине в с. Ижевское. Жена его, проработав после его смерти несколько месяцев в Сапожке, переехала в санаторий «Колос», только что открывшийся и набиравший кадры. Судьба ее окажется трагичной. Проработав 12 лет на новом месте, она случайно попала под поезд и погибла. Детей у них не было.

И.о. главного врач была назначена врач физиобольницы А. Н. Позднякова. К этому времени вопрос об объединении больницы и грязелечебницы назрел окончательно, и оно уже безболезненно было совершено в 1976 году. Приказом облздравотдела № 105 от 22.07.76 г. в связи с решением облисполкома от 01.07.76 г. за № 187 главного врача ЦРБ В. А. Никиткова обязывали к 01.08.76 г. осуществить объединение ЦРБ и областной физиобольницы и впредь именовать это объединенное учреждение Сапожковской ЦРБ. На базе областной грязелечебницы при ЦРБ было создано межрайонное восстановительное отделение на 200 коек, т.е. только один факт объединения позволил увеличить количество физиотерапевтических коек на 35, улучшить культуру и качество обслуживания физиобольных, т.к. они стали теперь получать практически все виды физиолечения. Сапожковская ЦРБ стала теперь 350-коечной. Сотрудники грязелечебницы, особенно те, кто проявлял активность против объединения, боялись мести со стороны главного, но он, зная жизнь и человеческую психологию, никого не тронул, ко всем был одинаково доброжелателен и ровен, все поставил на свои места и все успокоились. Прекратились распри, волнения, вражда, наступил мир и покой, прекратились анонимки, доносы. Все облегченно вздохнули.

В кратчайшие сроки на месте бывших старых дощатых продуктовых складов грязелечебницы построено 2-этажное здание, которое соединило здание поликлиники и старой прачечной, так что теперь этот комплекс зданий имеет вид буквы П. На первом этаже открыто грязевое отделение на 11 кушеток с душевыми, залом отдыха, бытовой комнатой. К кушеткам были подведены трубы для центральной подачи грязи непосредственно к кушеткам. Но... буквально через месяц эти трубы были разрушены нашей обладающей большой агрессивностью грязью. На втором этаже, соединенном со вторым этажом надстройки над прачечной, начатой еще Ермаковым и вскоре законченной Никитковым, было открыто еще одно отделение для физиобольных.

Условия отпуска грязепроцедур и содержания больных несравненно улучшилось. Путевки в г. Рязань и районы стала рассылать наша больница. Все отделения пополнялись современным твердым и мягким инвентарем, физиоаппаратурой. В освободившемся грязевом отделении физиобольницы после ремонта и перепланировки был открыт прекрасный физиокабинет, хорошо эстетически оформленный. Здесь же выделено помещение для проведения электрогрязевых процедур.

Одновременно было пристроено к кухне большое помещение площадью 1128 квадратных метров в 2 этажа. На первом этаже - прекрасный столовый зал на 90 посадочных мест и через коридор - склад для пищевых продуктов с морозильными камерами, на втором этаже - конференц-зал со сценой и через лестничную площадку от него - зал ЛФК. Все это оборудовано и отделано так, что вызывало восхищение у всех. Зал ЛФК весь в коврах, одна стена зеркальная, аппаратура такая, что

не во всех подобных залах области. В глубине двора была построена теплица, где зимой растут огурцы, зеленый лук, цветы. Были построены теплые гаражи на 8 санитарных машин по ул. Революции, котельная общая для этой территории. На втором этаже гаражей и котельной построено жилое помещение-бытовка для шоферов и вторая теплица.

В обеих участковых больницах и ЦРБ построены помещения для ведения подсобного хозяйства, где откармливали бычков, свиней, держали кур, что улучшало питание больных. Было построено три жилых дома для врачей, складские помещения для хранения грязи. В 1977 году начата и уже в 1979 году сдана в эксплуатацию большая двухэтажная пристройка к аптеке. На втором этаже этой пристройки - общежитие для медработников. Детская молочная кухня к этому времени выведена в освободившееся помещение детских яслей № 2 и на ее месте был открыт филиал областной медицинской библиотеки с небольшим читальным залом. В это же здание переведена СЭС, а в ее помещении оборудован хороший просторный кабинет главного врача. В нем была установлена современная селекторная аппаратура, с помощью которой главный врач мог в любой момент связаться с подразделениями и кабинетами больницы. Установлена и радиоаппаратура для связи с некоторыми подразделениями и кабинетами. Сапожковская больница стала одним из крупных лечебно-профилактических учреждений области.

Главному врачу Никиткову в 1982 году Указом Президиума ВС РСФСР присвоено почетное звание заслуженного врача РСФСР.

В бывшем родильном отделении на втором этаже по ул. Революции после капремонта было открыто еще одно отделение для физиобольных, корпус этот стал называться корпусом № 4.

На лечение приезжают со всех концов страны. Приехал и начальник Московской железной дороги И. Л. Паристов. Ему отвели особняк, финский дом, построенный в 1968 году Михайловским цементным заводом для своих сотрудников, лечащихся в Сапожке. Где бы он ни лечился со своим радикулитом, имея все возможности для этого, нигде не помогало. Узнав от лечившегося у нас начальника Рязанской железной дороги Туркова о Сапожке, Паристов по его рекомендации приехал сюда на лечение, не особо веря, что здесь, в каком-то захолустье, ему помогут. Но ему здесь помогло, практически он полностью избавился от мучавшего его радикулита, чему он был несказанно рад и благодарен. Здесь его посетил первый секретарь Рязанского обкома КПСС Приезжев. Встреча была обставлена торжественно -- событие для района чрезвычайное. И вот за дружеским столом Паристов пообещал в знак благодарности и признательности, да и имея такую возможность, помочь построить в Сапожке корпус силами железнодорожников и в основном для их лечения.

Было это в 1979 году, а уже 2 ноября 1984 года было его торжественное открытие. Перед открытием снова приезжал первый секретарь обкома Приезжев, Паристов приехать не смог, хотя тоже обещал. Приезжеву был сделан прием в люксе этого корпуса. Все ему чрезвычайно понравилось. И это был первый случай, когда начальник такого большого ранга дважды посетил район, вернее, районную больницу, еще больше придав ей авторитета, ибо в течение длительного пребывания на посту первого секретаря были районы, которые он не посетил ни разу. На открытие приезжал и начальник областной строительной организации Стахров, было все районное начальство. Стахров передал Никиткову символический ключ, который висит у меня в кабинете. Был митинг при большом скоплении народа: президиум расположился на крыльце корпуса, на ступеньках - ковровые дорожки, одним словом, все было торжественно и красиво. По окончании митинга желающих пригласили пройти и осмотреть корпус. Да и было что показать! Палаты двух и одноместные с душами, с холодной и горячей водой, туалетами. На всех трех этажах прекрасные холлы, утопающие в цветах. В палатах полированная мебель черного дерева, кровати, заправленные шелковыми покрывалами, черного дерева полированные шкафы и тумбочки, столы. В холлах зеркала, телевизоры, телевизоры в некоторых палатах, во всех палатах холодильники. Да всего и не перечислишь. В холлах и коридорах ковры и ковровые дорожки, коврик у каждой кровати. Одним словом, корпус повышенной комфортабельности, единственный из всех районных больниц. В громадном подвале этого корпуса была открыта водогрязелечебница с ваннами, ваннами для подводного вытяжения, с душевыми установками - душ Шарко, Шотландский, восходящий, циркулярный, ванной для подводного массажа. Кабины для 1-2-х ванн, комнаты отдыха, залы ожидания. Подобной во-

долечбницы, как признавались рязанские шефы, нет даже в самой Рязани. В старом помещении грязеводолечбницы, в подвале поликлиники, была теперь открыта и оборудована центральная стерилизационная.

И сколько сил, здоровья, времени потребовало все это от главного врача, который не знал покоя ни днем, ни ночью, ездил, просил, доставал, контролировал, следил за ходом строек. Да и медперсонал все годы строительства выгрabal мусор, мыл, чистил практически каждый день, так как все эти 35 лет стройки не прекращались. Теперь корпуса № 5, хирургический с терапевтическим, котельная с прачечной и складами составили 4-ю линию лечебных корпусов. Одновременно с вводом в строй этого корпуса, как его стали именовать № 5, была проведена большая работа по благоустройству территории: все было заасфальтировано, приведен в порядок городской парк, как уже говорилось, полностью перешедший больнице. В парке была установлена сцена, заасфальтирована площадка вокруг нее, установлены лавочки, устроена танцплощадка. Парк был очищен, вырублен сухостой. Около корпусов разбиты цветники, посажен декоративный кустарник, территория больницы огорожена красивым металлическим забором с необыкновенными воротами, главным в рисунке которых были чаши со змеей. Таких ворот точно нет нигде. Автором и исполнителем их был Н. В. Старов, земляк, уроженец села Морозовы - Борки. Он и писатель, и художник, и архитектор. Делали эти ворота под его руководством на нашем механическом заводе.

Бюджет здравоохранения ежегодно растет и к 1988 году составил на душу населения, значительно превышая среднеобластной показатель, - 92,2 рубля, при среднеобластном около 40 рублей.

Транспортом ЦРБ обеспечена в таком количестве и ассортименте, какого нет, пожалуй, ни в одной другой районной больнице: и санитарным разных марок, и грузовым, и ассенизационным. Есть автокран, трактор, бульдозер, автобус. Доставал его главный врач разными путями, но больше через министерство здравоохранения, где его знали и ценили. Транспорт - его любимое детище и гордость. Грузовым и санитарным транспортом полностью обеспечены обе участковые больницы, а Краснинская еще имеет трактор.

Приказом от 6 августа 1984 года отдела здравоохранения Рязанского облисполкома главному врачу В. А. Никиткову присвоена высшая категория врача-соцгигиениста.

В 1987 году, согласно составленному проекту, начата двухэтажная пристройка к поликлинике по ул. Стаханова на приобретенной 20 лет назад усадьбе площадью 400 квадратных метров. Широкие коридоры, просторные холлы, палаты на 2-4 койки, теплая и горячая вода. Пристройка с колоннами по фасаду. Она была закончена в 1990 году. Это помещение было, согласно девизу «Все лучшее детям», отдано под родильное и детское отделения. Детское отделение на втором этаже оборудовано прекрасной детской мебелью - деревянные кровати, столики, шкафчики, стульчики, медицинская мебель. В холле и коридоре ковры, на стенах картины из русских народных сказок. В родильном отделении по штатному расписанию 10 коек, а фактически на 2-4 роженицы отдельные палаты для матери и ее ребенка. Требования к родильному и детскому отделениям теперь удовлетворяли придирчивые комиссии облздравотдела. На первый этаж корпуса № 4 по ул. Революции была выведена детская консультация, а в здание старой консультации после соответствующей реконструкции и ремонта выведена детская молочная кухня. В 1988 году все корпуса основной территории больницы подключены к котельной опытно-механического завода. За этой короткой строкой стоит огромная работа главного врача, ибо надо было преодолеть массу межведомственных барьеров для реализации этого. А барьеры были на уровне министерств в г. Москве куда многократно приходилось ездить главному. Да еще бывший тогда директором ОЭМЗ Грицкевич был против. Одним словом, все практические неплановые стройки требовали здоровья, времени, энергии и воли, чтобы добывать средства, стройматериалы, искать подрядчиков.

Где-то в 1988 году он задумал построить типовое здание для грязеводолечбницы, для чего нужен был проект. И проект этот он решил заказать в проектном институте Москвы. В создании этого проекта ему хорошо помогал тот же Н. В. Старов, который, живя в Реуове Московской области, был представителем больницы в этом институте. Проект был благодаря ему составлен быстро и великолепный. Это здание планировалось построить на бывшем стадионе бывшего горпарка, принадлежавшего теперь больнице. Рядом планировался 4-х этажный спальный корпус.

Но начавшаяся перестройка спутала все: никому стало ничего не надо, многие ведомства перестали существовать. Многие не знали, да и сейчас не знают свою дальнейшую судьбу, да и денежных средств стало хватать кое-как на зарплату и медикаменты. Жаль, что так случилось.

Ну а сейчас хочется сказать о принципах советского здравоохранения в обслуживании населения - общедоступность, бесплатность, профилактическая направленность. Они в основном осуществлялись. Так, стационарные больные лечение получали бесплатно. Бесплатно получали лечение амбулаторно дети до трех лет, инвалиды Отечественной войны, онко-, туб-, псих-, больные сахарным диабетом и др., некоторые категории больных получали медикаменты с 50% скидкой, как-то инвалиды I - II групп, участники ВОВ. Особая требовательность к обслуживанию диспансерных больных, профосмотрам декретированных групп населения. И это слабое место, ибо на деле осуществить все требования к диспансеризации общей лечебной сетью, несмотря на все старания, было невозможно. Поэтому здесь много формалистики, показухи, приписок. Но об этих приписках все знают и не только не ругают, но поощряют. Главное - написано на бумаге, а что за этими цифрами, никого не трогает, отчеты принимаются. Получался парадокс: если показатели хорошие, но на бумаге не написано, значит работа плохая, а вот если на бумаге все в ажуре, а показатели работы так себе, то все равно хорошо. Вот и писали работу на бумаге, чтобы не ругали. Говорят, есть вранье, есть ужасное вранье, и есть статистика - еще ужаснее ужасного вранья.

Годовые статистические отчеты в связи с вхождением страны в ВОЗ усложнены, унифицированы с мировыми стандартами. К годовому отчету прилагаются формы по номерам - отчеты по службам и к ним еще объяснительные записки с анализом показателей за пять лет -- колоссальный труд, и это уж отсебятина главных областных специалистов. Все отчеты должны «плясать», т.е. они взаимосвязаны с основной, 1-й формой, а некоторые вкладыши и между собой. Первые годы за отчет по службам и в целом ставили оценки в т.н. «бегунке» и после сдачи отчета заслушивали на областном медсовете главных врачей. Наши отчеты всегда шли хорошо. Кроме того, при сдаче годового отчета требовали план работы в целом по району и отдельно по службам, утвержденный в РИКе на следующий год, и выполнение планов за отчетный год. Планы писались грандиозные. Одним словом, отчет требовал большого времени - более 1,5 месяцев. Это годовой, а там еще масса квартальных по всем службам, а по некоторым и месячных. За каждым районом прикреплены областные специалисты по службам, шефы, они систематически приезжают в ЦРБ проверять работу и помогать. Все это я пишу в прошлом времени, т.к. теперь никто нас не инспектирует, ибо теперь шефам и приезжающим по экстренным вызовам специалистам должна оплачивать командировки больница, на что нет у больницы денег. Поэтому стало жить спокойнее, и может это лучше. Раньше вызов самолета по санавиации ничего не стоил, теперь надо платить громадные деньги. В 60-70 годах больницы и ФП централизованно снабжались бланками, журналами, наглядной и хорошо исполненной агитацией, витринами, мединструментарием и оборудованием, транспортом. Все бесплатно. Со временем все это прекратилось. Стали давать по принципу - кто смел, тот два съел, хотя ежегодно пишем заявки на все это. Заявки, конечно, не исполняются. Ну а теперь облздравотдел ничего не дает, ибо образовалась масса посреднических торгующих организаций, которые за баснословные цены торгуют всем, в том числе импортным оборудованием, медикаментами. Некоторые районы в качестве эксперимента переходят на страховую медицину. Мы пока на бюджете, хотя и скудном, и грязелечение пока тоже бесплатное, к удивлению больных. Кто кого и как будет страховать, когда все производства остановились? И «куда несет нас рок событий»? Нашему поколению, воспитанному на моральном кодексе строителей коммунизма, этого не понять, это удел молодых, может быть. А поколение наше просто замечательное. Честное, бескорыстное, милосердное, совестливое. Работали добросовестно, с большой ответственностью, хотя зарплата всегда и особенно теперь, низкая.

Из старейших врачей больницы после Стаханова хочется вспомнить В. А. Жмура, который в 30-х годах возглавлял больницу. Впоследствии профессор, заведующий кафедрой неврологии Рязанского медицинского института, он, когда мы учились в институте, читал нам лекции. Очень колоритный на внешность, но очень суровый. Все невропатологи кафедры трепетали перед ним. Он требовал от них точной топики поражения мозга, когда шел на операцию. И Боже упаси, если во

время операции данные невропатологов не совпадали с истинной локализацией поражения! Из Рязани он переехал в Москву, стал академиком.

Из старейших фельдшеров, работавших со Стахановым, был и отец Никиткова А. Г. Никитков. Это был грамотный фельдшер, фельдшер широкого профиля, как и все фельдшера его времени. В течение 10 лет, с 1932 по 1941 годы он работал в Сапожковской больнице и все время заведовал инфекционным отделением, или, как тогда называли, заразным баракком, т.е. занимал врачебную должность. Его до сих пор вспоминают старейшие медработники, работавшие вместе с ним, как человека умного, степенного, уравновешенного, доброго. Он был не просто коллегой, но и другом П. П. Стаханова, помогал ему в становлении грязелечения открытым Стахановым лечебным торфом. И до сих пор шумят привезенные им с его родины и посаженные на территории больницы липы.

О А. П. Нестеровой уже говорилось. В 1948 году она уехала в Москву, в институт детского питания, где защитила кандидатскую диссертацию.

За 33 года нашей работы в районе много врачей прошло через Сапожковскую больницу. Большинство из них, отработав положенные после института по направлению 3 года, а если удавалось, то и раньше, уезжали в города, чаще всего в Рязань. Они «прошли, как тени», не оставив о себе ни памяти, ни следа. Это уже врачи нового поколения, многие из которых умели делать выгоду из своего положения. Но мне хочется вспомнить других, всю жизнь проработавших здесь.

Это Е. С. Лунькова, педиатр, заслуженный врач РСФСР, кавалер ордена Ленина. Совсем маленького роста, хрупкая, красивая, она обладала большим терпением, волей и большой любовью к своему делу, к детям. Практически бессменный парторг больницы. Необычайно требовательна к персоналу. В детском отделении и детской консультации все блстело, и хрустели накрахмаленные вышитые персоналом салфетки, простыни. Работу ее медсестры знали великолепно. Она особо и не ругалась, но говорила так, что стыдно сделать плохо. Голос у нее был звонкий, как бы детский. У тяжелобольного ребенка сидела и не отходила до улучшения его состояния или до его смерти. Если требовала с персонала и иногда упрекала в чем-то, повысив голос, то перед начальством всегда защищала каждого. Все вызовы обслуживала пешком, не дожидаясь машины, иногда до поздней ночи. Больного ребенка на дому посещала несколько раз в день. Много работала с фельдшерами и врачами участковых больниц. И совсем не случайно детская смертность в районе была самой низкой в области. Но эта колоссальная нагрузка стоили ей того, что за 3 года до смерти она полностью потеряла память, по-видимому, от постоянной перегрузки погибли нервные клетки головного мозга.

Это М. М. Бабкина - терапевт, сохранившая в себе благородные черты земских врачей. Чрезвычайно тактичная с персоналом и больными, дисциплинированная, педантичная. Будучи участковым терапевтом, всех больных своего участка обойдет, все запишет. Работала до глубокой старости и до глубокой старости следила за своей внешностью: туфли на каблучках, шелковые платья, шляпки, кудри. Обладала очень красивым голосом - контральто. Иногда пела на наших частых концертах, но только дуэтом и только со мной. Особенно запомнился романс «Белые акации». В первые годы войны она как эвакуировалась из Курска, так до конца жизни здесь прожила, здесь и похоронена.

Это Л. М. Демиховская - хирург. Приехала она в Сапожок в первый год войны, из Ленинграда. Почему - никто не знает, ведь хирурги требовались именно там, на войне. Она никогда и никому ничего не рассказывала о себе, да практически ни с кем не общалась. Вроде бы в годы гражданской войны она оперировала белого офицера, спасла ему жизнь и вышла за него замуж, из-за чего теперь, в годы войны, стала неблагонадежной. Работать ей в Сапожке пришлось в трудных условиях. Электрический свет горел только до 12 часов ночи, поэтому приходилось после 12 часов оперировать даже при керосиновых лампах, как и вообще всем отделениям после полуночи зажигать эти лампы. Был движок, установленный во дворе больницы, который включали также для подачи электричества после полуночи в случае операций или необходимости сделать рентгеновский снимок. В противоположность М. М. Бабкиной, с которой они были примерно одного возраста, Демиховская не следила ни за своей внешностью, ни за одеждой и даже была неряшлива. Но эта неряшливость тем не менее не могла скрыть ее благородства. Несмотря на свои более чем 70 лет,

она была красивой, кожа лица розовая, почти без морщин, благородная седина волос. Черты лица правильные, лоб высокий, большие голубые глаза, правильный нос. М. М. Бабкина подшучивала над ее неряшливостью и одеждой, а Демиховская - над ее кудряшками, туфлями на каблуках и шляпками. Больных осматривала долго и тщательно, а особенно призывников. Записи ее в амбулаторных картах очень оригинальны, ну прямо по Чехову. Например, «сидела у окна, ела мясо. Ехали цыгане, испугалась, со страху проглотила кусок мяса, и он застрял в горле», или «упал с крыши. Перелом. Где? На рентгенографию всего скелета». Говорила мало, но метко, больше слушала. Умерла в возрасте 82 лет. Происхождения она, конечно же, не простого, о чем можно судить по тому, что образование, да еще медицинское, получила при царе, до революции, да еще будучи женщиной. Тайну свою унесла с собой в могилу.

Это главный врач Краснинской участковой больницы Г. П. Никитина, женщина чрезвычайно колоритная, красивая для своих 60 лет. Черные с проседью волосы всегда красиво и как-то по-особенному зачесанные, одета всегда строго и нарядно. Село, где она проработала всю жизнь, не отразилось ни на ее светских манерах, ни на речи, ни на поведении. После окончания института она все время работала заведующей Краснинской участковой больницей. Жила в одной из палат больницы вдвоем с сестрой. Никакого мешанства в квартире: две железные кровати, стол, три стула, на стенах много старых фотографий ее юности, где она просто красавица, громадный фикус и масса книг на полу. Краснинская больница занимала дом графа Толстого-Остермана. Дом этот окружен прекрасным парком, правда, теперь запущенным. Рядом пятиглавый собор полуразрушенный, который сейчас восстанавливают. В 100 метрах протекает река Пара с песчаными берегами. Одним словом, здесь пахнет стариной, и врач Никитина очень вписывалась в эту старину, в ней было что-то от графини. Умерла она года 4 назад в Рязани, где последние годы жила у дочери. Было ей около 90 лет. Кстати, церковь в с. Красное построена графом Толстым-Остерманом -- уменьшенная копия Успенского собора Москвы. Самому графу, участнику Отечественной войны 1812 года, оторвало руку. Он эту руку свою поместил в банку со спиртом и поставил в церкви. Во время революции взбунтовавшийся народ, громя церкви, руку из банки выбросил, а спирт выпил. Все это врачи старшего поколения. Из врачей среднего поколения это И. Ф. Донилов, хирург, о нем уже говорилось. После окончания института все время проработал в Сапожке. Отличный хирург и неудачник в личной жизни. Мы называли его Есениным, ибо он был очень похож на него лицом. Пока писала сей экскурс, умер Иван Федорович в возрасте 56 лет. Умер внезапно в своей машине от обширного инфаркта миокарда 2 сентября 1994 года. Хоронил весь район. Бесконечно жаль его.

Это Л. Н. Пашкова, с 1971 года бессменный начмед и окулист. Человек исключительно гуманный, особенно к пожилым людям, которые составляют основной контингент ее пациентов, а также к братьям нашим меньшим.

Что касается меня, то в 1976 году, т.е. когда мне не исполнилось и 40 лет, мне было присвоено почетное звание заслуженного врача РСФСР и, как оказалось, я была самым молодым врачом, получившим это звание. В 1981 году награждена орденом «Знак Почета». Наши трое детей, две дочери и сын, также окончили Рязанский медицинский институт имени академика Павлова.

В 70-х годах, когда больница увеличилась до 200 коек, на работу в больницу приехала целая когорта молодых врачей. Из них особенно выделялась хирург Л. Н. Сусоколова. Человек неординарный. Она, кроме того, и летчик, и парашютистка. В Сапожке была избрана председателем общества Красного Креста. Занимаясь в связи с этим безвозмездным донорством, она так сумела поставить эту работу, что проблемы с кровью в районе не стало. Какие слеты доноров проводила! Все доноры и даже доноры-алкоголики ее обожали, ибо, благодаря их за сдачу крови, жала им руки, что их очень трогало, и они становились лучше. Она и пела, и танцевала, сочиняла стихи и поэмы. Проработав у нас лет шесть, уехала в Минск, где вскоре умерла совсем молодой.

Это супруги Алешкины, Трухановы, Назаровы, Ковалевы, Веркины, Афгаевы. Правда, они, отработав 3-4 года, уехали из района кто куда, но они были активистами во всем, в том числе в художественной самодеятельности, в проведении «Огоньков». Из этой плеяды особенно сверкнула рентгенолог Е. В. Афгаева - большой эрудит во всех вопросах. Она проводила интереснейшие вечера за самоваром с сотрудниками на разные темы.

Это было золотое время. Все кипело и бурлило, хорошо работалось и отдыхалось. А какие замечательные сестры работали и еще работают рука об руку с врачами. У большинства сестер лишь две записи в трудовой книжке -- «поступила» и «уволена в связи с уходом на пенсию».

Это М. В. Бычкова, бессменная операционная сестра, со стажем работы 50 лет. Прошла путь от санитарки до операционной сестры. Строгая. Свою работу знала превосходно.

Это А. М. Бычкова. Она была и операционной сестрой, и старшей сестрой больницы, затем более 40 лет работала сестрой тубкабинета. Мне с ней пришлось работать в тубкабинете 22 года. Человек исключительной скромности, исполнительный, хорошо знающий работу. Сколько труда мы с ней видели в борьбе с туберкулезом, по созданию флюорокартотеки, в организации массовых профосмотров населения района! Чрезвычайно доброжелательна к больным и персоналу. Я многому у нее научилась.

Это О. А. Чекарева, медсестра глазного кабинета. В глазных болезнях разбиралась почти как врач и зачастую принимала глазных больных самостоятельно. Знала уйму анекдотов, смешила нас до колик в животе.

Это Е. Ф. Юдашина, эрудит, заводила, организатор художественной самодеятельности грязелечебницы. Сама умела спеть, сплясать и читать, и сочинять сатиры частушки на больничные темы.

Это участницы Великой Отечественной войны, сестры: А. Ф. Дорошина, кавалер ордена «Боевого Красного Знамени», Л. А. Давыдкина, Е. Г. Крылова, Т. М. Зеленина, П. М. Тихомирова, медстатистик Н. М. Горшкова, человек неумной энергии, прекрасный организатор, душа коллектива поликлиники. Все «Огоньки», все другие мероприятия не обходились без нее. Участница ВОВ. Она умела так рассказывать, что все ее слушали затаив дыхание. За что бралась, умела блестяще довести до конца, все делала от души.

Это Ю. А. Бабкин - рентгенлаборант, сын М. М. Бабиной и муж М. И. Бабиной, человек исключительной принципиальности и нравственности. Работу свою знал досконально, никогда не отказывал больным, шел по первому зову и днем и ночью.

Как не упомянуть санитарочку А. Растопчину, обладающую чудесным «руслановским» голосом, покорявшую публику теми же «Валенками», В. И. Бычкову, тетю Веру, санитарочку инфекционного отделения, всегда ласковую, спокойную, доброжелательную.

Обо всех просто невозможно рассказать. А шоферы – В. В. Каменщиков, В. И. Швецов, А. И. Усков. Все они, отслужив армию и поступив в больницу на работу, так и работают до сих пор. Все это старая гвардия, с которой легко было работать. Это авангард.

В Сапожковской больнице в проведение врачебных, но особенно сестринских конференций вносили всегда что-то новое, необычное, интригующее. Чтобы оживить сестринские конференции, придумали так: собираются все старшие сестры отделений, обычно у меня в кабинете в 5-м корпусе, где я с открытием его стала заведующей, пишутся на бумажках месяца по числу отделений, и старшие сестры вытаскивают из шапки бумажку. Какой месяц вытянет, в таком отделении и проводит конференцию. Но конференция должна быть не простой, а с изюминкой, т.е. должны придумать оригинальную тему, осветить ее в докладах, а в конце представить «изюминку» к этой теме. Причем, чтобы не «перехватили», тему держало каждое отделение в секрете. Так, например, 3-й корпус, проводивший первую конференцию, назвал ее «Волшебный напиток чай». На отдельном столе были представлены растения, которые можно заваривать в качестве чая. Сделана выставка книг и статей о чае, которую обычно прекрасно оформляла библиотекарь Н. Ф. Анищук, оформлялась красочная газета с выдержками о чае. Все сестры одеты в безукоризненно белые накрахмаленные халаты и шапочки, модные туфли. Главная сестра представляет всех сотрудников отделения и показатели работы этого отделения. Затем начинаются доклады об истории чая, его целебных свойствах, способах заварки и т.д. А «изюминка» - проба заваренного различными травами чая с испеченными самими тортами, пирогами, вареньем. Компетентное жюри из врачей и опытных сестер ставит оценки по шестибальной системе: за доклады, за санбюллетень, за «изюминку», за оформление зала и сцены.

Для каждой конференции типография печатала нам приглашения на цветной и всегда разного цвета бумаге. На этих приглашениях тема и название докладов на одной стороне, мысли великих людей, пословицы, поговорки соответственно теме на другой. Была тема «Искусство и медицина».

Были доклады «Музыка и здоровье», «Песня и здоровье», «Танцы и здоровье», «Литература и здоровье», «Живопись и здоровье». После каждого доклада - соответствующее подтверждение воздействия на здоровье, исполнение художественных номеров: то вальс, то ансамбль в старинных русских костюмах исполняет русские народные песни за прялками и шитьем и так далее. У каждой конференции своя эмблема: у хирургического - сердце на ладони, у 5-го корпуса - на фоне медицинской эмблемы чаши со змеей горящая свеча. Одним словом, все просто великолепно. Теперь не надо было просить, требовать придти на конференцию, зал и без того ломился от присутствующих сестер, врачей, нянь.

Конференц-зал, где они проходили, прекрасно оформлен И. И. Колгановым. В каждом простенке сделаны стены в виде громадной раскрытой книги. На одной ее «странице» портрет выдающегося врача, на другой - его изречение. Зав. отделением был куратором конференции своего отделения, и от него, безусловно, зависел ее успех. Так, конференцию «Искусство и здоровье» курировала врач Е. В. Афгаева, провела ее великолепно. Была устроена выставка картин, скульптур, поделок из дерева нашего земляка, бывшего главного реставратора Эрмитажа П. И. Перова. Впечатление от этой конференции было удивительное, все получили, кроме большой информации, заряд здоровья. В конференц-зале красивые стулья, столы, обилие цветов. Конференц-зал расположен в одном помещении с медбиблиотекой и сообщается с ней, и хозяйкой всего этого комплекса была библиотекарь Н. Ф. Анищук, о которой уже упоминалось. Это была душа-человек, помогала во всем, загоралась сама и зажигала других. К сожалению, о ней приходится писать в прошедшем времени, ибо она ушла в мир иной, когда ей не было и 50 лет. Невозможно описать все конференции, но все они были чрезвычайно интересными и необычными, о каждой из них с восторгом писала наша районная газета. Все эти газеты храню. На наши конференции приезжали из областной медбиблиотеки, врачи и медсестры из других районов. Было написано про них и в журнале «Медицинская сестра».

А какие проводили «Огоньки» ко Дню медработника, к Восьмому марта, Новому Году! По заранее подготовленному сценарию накрывались столики на 4-х человек, устанавливались полукругом. Чествовали передовиков и ветеранов. Они рассказывали о себе, для них исполнялись номера художественной самодеятельности. На Новый Год «Огоньки» были костюмированными, с Дедом Морозом и Снегурочкой, чертями и русалками, Карлсоном, который живет на крыше, с сюрпризами и подарками. Все было необычайно искрометно, весело, незабываемо. О художественной самодеятельности надо писать отдельно. В этом плане здесь была давнишняя традиция, связанная с периодом, когда в больницу после войны приехала зубной врач Е. П. Бобикова. Она организовала самодеятельный коллектив. Ставились большие пьесы, был создан танцевальный кружок, хороший хор. После ее отъезда из Сапожка традиция, хотя и слабее, но продолжалась и, в частности, при главном враче А. И. Ивановой, которая и сама участвовала в пьесах. После Ивановой эстафета перешла ко мне. Тогда еще были смотры художественной самодеятельности всех уровней, начиная с районных. Руководителей обязывали районные власти по графику представлять свой коллектив на смотр в районный дом культуры, были соответствующие решения райисполкома с приложением графиков смотра. Но постепенно эти смотры отмирали, из графика безнаказанно стали выходить сначала некоторые организации, затем большинство, и только долго держалась больница и РПК, потом осталась одна больница.

Затем стали давать концерты только по праздникам и по очереди: к 8 марта и Дню Победы - больница, к дню рождения Ленина - учителя. Ну а теперь смотров нет вообще, а концерты дает коллектив ДК. Наши концерты были всегда хорошо подготовленными, выдержанными тематически, и никогда ни один номер не повторялся, разве только по просьбе зрителей. Выступления медиков на сцене народ очень любил, и зала не хватало для всех желающих. Чтобы попасть на наши концерты, приходили заранее, почти за час. Мне приходилось быть и автором сценариев, и режиссером, и постановщиком. В первые годы в самодеятельности активно участвовал и главный врач - играл в пьесах, читал Есенина. С его участием было сыграно много чеховских вещей, как-то «Медведь», «Сельские эскулапы», «Юбилей» и другие, «Женитьба» Гоголя. Со своими концертами постоянно выезжали в села района. В пьесах незаменимыми были артисты Н. М. Горшкова, А. М. Бычкова, И. И. Драчук, Е. Ф. Юдашина, Е. С. Сильцов. Прекрасными ведущими концертов были лаборантка

А. К. Храпова, затем И. И. Драчук в паре с А. И. Усковым или В. И. Швецовым, обладающим левитановским голосом. Кстати, А. М. Бычкова, когда ей было уже за 70 и она тяжело болела, в 1983 году участвовала в отрывке из «Женитьбы» Гоголя, а Н. М. Горшкова, ее ровесница, в этом же концерте сыграла роль пьяницы-арендатора в водевиле, который сама и сочинила. Всех уморила. Пока печатала все это, умерла А. М. Бычкова. Человек прекрасной души - медсестра в самом высоком понимании этого слова.

Божественно пели дуэтом Н. П. Степанова и М. Минашкина. Неоднократно по просьбе зрителей исполняли отрывок из поэмы Некрасова «Русские женщины». Безменным генералом в этой роли был А. И. Усков - шофер скорой помощи. А вот княгиню Трубецкую играли разные артистки-медсестры, ибо они старели, а генерал, старея, все более и более подходил к этой своей роли. Трубецкую в разное время играли то Е. Ф. Юдашина, то Авдеева Катя, то В. В. Колбенева, то И. И. Драчук. И откуда у них только бралось столько грации, осанки в образе княгини. И все красавицы. А. И. Усков в своей роли был превосходен, как будто специально был создан для нее. Вообще он был исключительно артистичен и ему надо бы стать артистом. Но... каждому свое. Очень хорошо читала Есенина Т. А. Пантелеева, исключительно чистым и звонким голосом пела секретарша главного врача М. Н. Мягкова. Будучи украинкой, она пела в основном украинские песни. Особенно торжественны были концерты к 30-40-45-летию Победы. Храню эти сценарии в своем архиве.

Коллектив неоднократно участвовал в областном смотре художественной самодеятельности. Сначала самодеятельность больницы и грязелечебницы была общей, но в связи с вопросом объединения художественный коллектив грязелечебницы откололся и стал выступать самостоятельно, стремясь и в этом вопросе сохранить независимость. Дух соперничества еще более усовершенствовал концерты обоих коллективов.

А проводы русской зимы! Появления на площади нашего коллектива все ждали, ибо мы придумывали всегда что-то необычное. То Н. М. Горшкова, женщина крупная и сильная, усаживала себе на плечи кого-нибудь из сотрудников полегче, а мы шили юбку от пояса сидящей на плечах до пола и получалась женщина-великан, которая пела частушки, а под юбкой Надежда Михайловна отплясывала, обходя всю площадь, а за ней весь народ честной, умирающий со смеху. То изображали свадьбу и ряженых. Причем жених старый, с длинной седой бородой, а невеста молоденькая, ну прямо аленький цветочек. Молодые ехали на разукрашенной лошади, а ряженые, лихо отплясывая, сопровождали их. То мастерили огромное чучело зимы из соломы, снеговика, сажали это чучело в сани, а впрягали в сани ряженых в лохмотья мужчин, которые возили эти сани вокруг площади, а потом снеговика, символа зимы, всенародно сжигали. То лошадь так наряжали, что все умирали со смеху, на передние ноги надевали специально сшитые штаны с нагрудником и лямокками, а на голову - шляпу с бантом. То княгиня Трубецкая выезжала в карете с генералом, а рядом ехала машина и прямо с открытого кузова раздавались бесплатно блины. Все это с горечью пишу в прошедшем времени, ибо в последние 4-5 лет все заглохло, не до веселья стало, заботы лишь о хлебе насущном. А может, потому, что старая гвардия ушла - кто на пенсию, кто «в страну, где ширь и благодать», а молодежь пассивная и нет у нее жоака. А «мы теперь устали». Пишу это, и душа моя, как бы освобождается от тяжести, и мне стало с одной стороны легче, а с другой грустно, будто бы я навсегда прощаюсь со всем, что было... было... было... Да так оно и есть. Теперь наступает новая жизнь, которую нам, прожившим в старой, наверное, не понять. Пора уступать дорогу молодым.

Как и земство, мы оставляем прекрасный альбом, где отражены все стороны жизни нашего коллектива, альбом о здравоохранении района. Альбом нам делала областная типография. Крышки красного, сафьянового цвета, «Здравоохранение Сапожковского района» тиснуто золотом, фотографии отличные, сделанные на хорошей бумаге фотокорреспондентом газеты «Сельская жизнь» Николаем Ивановичем, лечившимся у нас. Таких альбомов два: один в нашем краеведческом музее, второй у меня в кабинете на столике под Присягой врача Советского Союза, накрытый старинным расшитым полотенцем, а на нем - фотография коллектива и ваза с цветами. Альбом этот тоже светлая память, как и альбом земства, своего рода эстафета.

«А память священна, как отблеск высокого огня».

Надеюсь, что этот экспромт дополнит содержание нашего фотоальбома.

Вот и все. Все - вкратце о былом, о том, что прошло, день за днем, месяц за месяцем, год за годом, десятилетие за десятилетием, все, что так было дорого душе, ведь пройденный путь связан с лучшими годами жизни, хотя и трудными. Но где трудно, там интересно.

В этом, 1995 году исполняется 125 лет со дня, когда была построена в 1870 году Сапожковская земская больница. Этой дате и посвящаю свой краткий экскурс в ее историю.

Город Сапожок. Август 1995 года.

Зинаида Павловна Талалаева.

С.Ф. - Данная рукопись З.П. Талалаевой была опубликована в нашем литературно-историческом сборнике «Морозовы-Борки», т. 3, стр. 89-164.